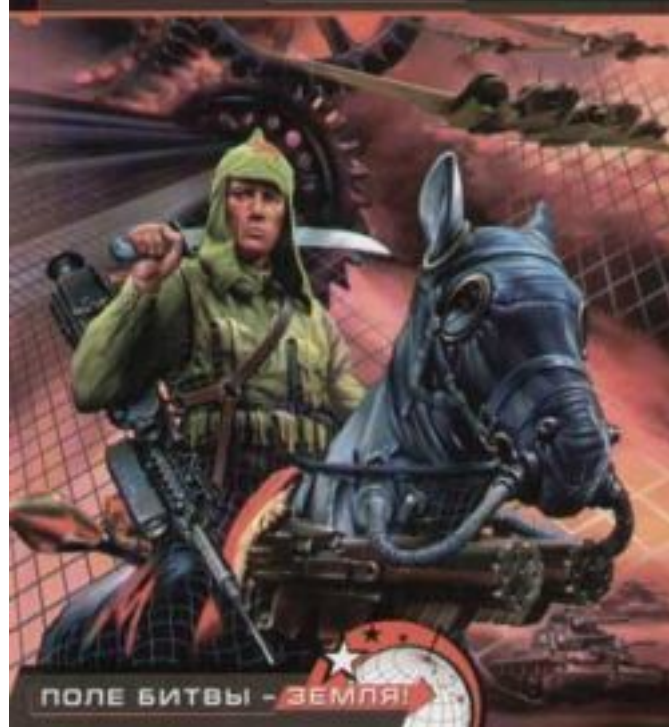

ВОЙНЫ
БУДУЩЕГО

Федор БЕРЕЗИН

КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КАТАКЛИЗМ

Красные звезды

Федор Березин

Параллельный катаклизм

«Махров»

2002

Березин Ф. Д.

Параллельный катаклизм / Ф. Д. Березин — «Махров»,
2002 — (Красные звезды)

Случайная встреча ВМС США с существами из параллельного мира имела весьма впечатляющие последствия в виде гибели новейшего авианосца «Рональд Рейган» и десятка кораблей поменьше. А в роли пришельцев из иной реальности выступали отнюдь не зеленые человечки, а вполне земное авианосное соединение, правда, под серпасто-молоткастым флагом давно не существующей в нашем мире державы – СССР. Пришельцы исчезли так же внезапно, как и появились, поставив перед учеными и спецслужбами России и США новую задачу – искать пути проникновения в загадочную параллельную реальность. Первопроходцем стал сотрудник ФСБ Роман Панин, которому довелось очутиться в мире, в котором на Эйфелевой башне развевается красное знамя, сверхдержавы не принужденно обмениваются термоядерными ударами, а 22 июня 1941 года было обычным летним воскресеньем...

© Березин Ф. Д., 2002

© Махров, 2002

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
1. Проблема	7
2. Пряник	9
3. Летучие голландцы	10
4. Умные люди	11
5. Поиски в течениях времени	12
6. Пробой	14
7. Курьезы в узлах времени	15
8. Старые друзья	16
9. Находки в петлях времени	18
10. Бои	19
Часть вторая	20
1. Машина	20
2. Дебиты и кредиты	21
3. Куда утекают деньжищи	22
4. Рацпредложения	23
5. Переход	24
6. Под впечатлением	25
7. Место встречи изменить нельзя	26
8. Взгляд геополитика	27
9. Этот недобрый противоположный пол	30
10. Роботы, их заменители и молитвы	32
11. Адреналиновая бомба	34
12. Мелкий песок в Колесо Фортуны	35
13. Книжная витрина	37
14. Щебень в Колесо Фортуны	38
15. Открытый шпионаж	40
16. Скрип несмазанного Колеса	42
17. Глубокие подземные заплывы	43
18. А крысы бегут	44
Часть третья	45
1. Воскресенье, тринадцатое июля	45
2. Шпионская романтика	47
3. Дичь	49
4. Шпионские беседы	51
5. Традиции	53
6. Аллюр	54
7. Лавина	56
8. Жареные мясные блюда	57
9. Экспонаты	59
10. Охват	60
11. Потенциал	61
12. Киргизский бешбармак	62
13. Новые винтики в старую резьбу	64
14. Экспозиции	65

15. Табуреточки	66
16. Подвиг генералиссимуса	68
17. Приобретения	69
18. Шпионская суета	71
19. Итальянское Амаретто	72
20. Реки загнивающего мира	75
21. Плотины загнивающего мира	76
22. Вскрыть архивы	77
23. Недобрые берега загнивающего мира	78
24. Странности пространственных путей	80
25. Будни рек загнивающего мира	81
26. Провокации пространственно-временного континуума	83
27. Приговор загнивающему миру	84
28. Милиционеры временно-пространственных туннелей	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Федор Березин

Красные звезды. Параллельный катаклизм

*И поток годов унес с границы
Стрелки – указатели пути,
Очень просто в прошлом заблудиться
И назад дороги не найти.*
Владимир Высоцкий

*Автор романа выражает сердечную признательность Виктору
Юрьевичу Зуеву – за неизменную техническую помощь,
Клеванинку Виталию Николаевичу – за грамотные консультации
по военно-техническим и историческим проблемам.*

Пролог

Двадцать второе июня прошло спокойно, как и предыдущее воскресенье...

Часть первая

ПОГРАНИЧНАЯ ОБЛАСТЬ МЕТАГАЛАКТИК

*Я нынче поднимаю тост с друзьями,
Цунами, равнодушная волна.
Бывают беды пострашней цунами
И радости сильнее, чем она.*
Владимир Высоцкий

1. Проблема

Итак, вновь и вновь цикляющаяся проблема: что первично – курица или яйцо? Я в растерянности. Но все же, наверное, проблема возникла после ее оглашения, хотя, может, она существовала и до того? Так сказать, изначально? С момента закладки первичного кирпичика Вселенной? Или, все же, где-то в глубине миллиардолетий проблема первичности разрешилась сама собою с помощью эволюционной теории образования видов? Я снова в растерянности, ведь даже если разрешилась, будет ли это ответом на первичный вопрос? Но если не разрешилась, а только изменила участвующих статистов, получается вообще форменный кошмар. Что с того, что с арены исчез один из участников драмы и преобразился в нечто иное? К примеру, вместо курицы в проблеме участвует балансирующий собственными тоннами динозавр? Ног у него по-прежнему две, и хотя скальный грунт от их поступи сотрясается, когда хищник наклоняется над заботливо выстроенным гнездом, там в кладке... О, мама родная, снова яйцо!

Так что первично, динозавр или яйцо? Входим в новый виток или погодим?

Итак, вначале была проблема. О ней мало кто ведал, точнее, мало кто ведал в полном объеме. Тех, кого она коснулась, зацепила краем раскрученной оглобли, сорвала голову или просто просвистела лопастью над макушкой – хватало. Но и с них, и уж тем более с тех, кто знал поподробнее, как водится, взяли расписку о неразглашении. Нет, разумеется, с тех, кому уж совсем не повезло, не взяли ничего, человеческий опыт однозначно предсказывал, что они вряд ли сумеют поведать кому-то свои последние переживания. Ну, если правда кто-нибудь попросит вызвать их в сеансе парапсихологической беседы с духами... Однако в двадцать первом веке, переплывающем покуда в прагматизме даже двадцатый, таковая возможность в расчет не берется даже монстрами спецслужб. Вот живым, родне и близким, выплачены повышенные пособия, по миллиону за каждого невернувшегося. Понятное дело, не рублей «деревянных» – долларов. Нет, для тамошнего населения это не совсем выпучивающая глаза сумма, потому некоторым – у кого прижизненное звание исчезнувшего родственника было повыше – дали больше. Дабы молчали и перед вынюхивающей жареное прессой стойко держали рты на замке. И не спорьте, прекрасно помогает. Западный человек цивилизован и расчетлив с пеленок, он не будет подымать вой, если делу, исходя из логики, не помочь. И хруст виртуальных денег новехонькой кредитной карточки, между прочим, ему очень помогает забыться. Нирвана!

Правда, мир все равно полнился слухами. Но мало ли их ходит по разным поводам на нашем переполненном информацией Земном шаре? Конечно, в происшедшем была большая примесь острейших специй. Еще бы, одна супердержава, мировой гегемон, и крупнейший остаток бывшей сверхдержавы, давно списанный в утиль, имели между собой военное столкновение. Да не просто столкновение – всплеск повышенной готовности, сбой в локаторе и непреднамеренный пуск – такие привычные вещи семидесятых прошлого века, – а хуже. Гораздо хуже. Кровавую баню. Десяток потопленных кораблей со стороны США, в том числе новейший авианосец «Рональд Рейган», и еще – военная база на Фиджи. А вот Россия, что особо

возмутительно и удивительно одновременно, отделалась одной ядерной субмариной. Конечно, теперь, после драки, в конгрессе слышны яростные речи о наказании, привлечении и прочем. Призывы сделать с русскими то, что когда-то удалось с Ираком. Однако в обдумывании соотношения потерь в кораблях и личном составе, да, помимо, с учетом все еще стоящих на вооружении русских ракет трансконтинентальной дальности, выкрики как-то вянут. Чаше меняют направление, по привычному методу – «бей своих, дабы чужим было боязно» – целью оказывается родной президент. Но тот держится, стойко переносит тяготы четырехгодичного правления, не то что некоторые ранее, коих девичьи нападки едва с кресла не опрокинули. Пресса в панике, с чего бы это президенту после такового ЧП быть спокойным и молчаливым?

Вот бы они удивились, дабы хоть краем куцега ума опознали настоящую правду. Все выплеснутое в слухах, кстати, находящихся на контроле, просто завеса, непрозрачная штора, за которой...

2. Пряник

– Ну что, Роман Владимирович, – пожимая протянутую руку, пробасил полковник Ковалев, – искренне поздравляю вас с присвоением очередного звания. Давайте, молодежь, торопитесь, а то уже на пенсию хочется – отдохнуть, а достойной смены все нет. Догоняйте быстрее.

– Постараемся, Евгений Яковлевич, – произнес Панин и приложил руку к головному убору – редко одеваемой оперативниками фуражке.

– Стать в строй, капитан! – с непоказным умилением скомандовал полковник Ковалев.

И не успел Панин занять положенное место в совсем небольшом квадратике офицеров ФСБ, как его снова дернули.

– Капитан Панин, ко мне!

И снова «Есть!» и подзабытый мозгом, но не телом, строевой шаг в сторону командира.

– Приказываю. С текущего дня считать капитана Панина временно откомандированным на курсы переподготовки. Встать в строй!

И снова «Есть!», четкость движений и никаких вопросов. Хорошая штука служба, куда там до нее гражданской жизни, какой-нибудь инженер сейчас бы двадцать вопросов начальнику задал: «куда?», «зачем?» и «почему?», а здесь все четко, ясно – светлая память создателям уставов.

– На майора будут учить, – подтрунил кто-то в строю.

Кто знает? Боязно даже, вначале пряник в виде погонов, а теперь неизвестность в зубы. Однако бывает хуже, могли вообще без пряника, а к неожиданностям мы готовы. Еще Иосиф Виссарионович предупреждал, готовьтесь к неожиданностям. Вот мы и готовы – всегда!

3. Летучие голландцы

Они пришли из неизвестности. Нет, это были не корабли осколка сверхдержавы – России. Это были пришельцы. Но у них имелись не какие-нибудь летающие тарелки, а нормальное военно-техническое оснащение, привычное для земной цивилизации. Для завязки они разнесли в клочки военную базу на острове Моала. Никто ничего не понял и свидетелей практически не нашлось. Но были спутниковые фото и были сотни убитых американских военных. А вот сами пришельцы уже сгинули.

На диспут к президенту явилось множество «шишек», которых допустили к информации. Вначале под подозрение попали все страны, имеющие флот. Но ведь на улице двадцать первый век, вся планета, по крайней мере вооруженные силы, под тотальным спутниковым контролем. И у всех флотов имелось алиби. Пришлось обменяться секретными нотами с первым подозреваемым – Россией. Там не слишком возмутились, поняли ситуацию и озабоченность планетарного гегемона. Более того, выдали некоторую наводящую на размышление информацию. Русская техническая разведка тоже не дремала. В Тихом океане действительно творилось нечто из ряда вон и, как оказалось, не в первый раз. Походило на то, что там действительно время от времени бродят по волнам какие-то «летучие голландцы», причем вооруженные до зубов.

И новая встреча с неизвестностью не слишком задержалась. Снова нападение! В скоротечном воздушном бою американцы потеряли несколько самолетов. На этот раз оставшийся в живых, вовремя катапультировавшийся пилот рассказал удивительные вещи. Перед тем как его «Харриер» поразили вражеские ракеты, он видел выпустившие их самолеты, а плавая в волнах, он лицезрел вблизи чужой авианосец. И то и то было с серпами, молотами и красными звездами. Похоже, СССР возродился из старательно разметанного пепла. Этого не могло быть, но это случилось.

Поняв, что проблему не разрешить чисто военными методами, к расследованию привлекли науку. Она взялась за дело по-настоящему.

4. Умные люди

– Знаешь, куда тебя? – приглушив голос и стрельнув глазами по коридору, спросил Панина встретившийся старший лейтенант Евгений Симдяшкин.

– Готов к любым неожиданностям, – смело и прямолинейно доложил Панин.

– Тогда послушай умных людей, – наставительно молвил Симдяшкин. – Я случайно слышал один ценный разговорчик, только ты уж держи язык за зубами.

– А то, – ответил всегда открытый для тайн и секретов Панин. – Могила. Не в Чечню, надеюсь?

– Брось, Рома, ты слишком ценный кадр – такими не раскидываются зазря. Ты же в деле с фальшивой водкой участвовал? – Панин кивнул. – Вот тебя и направляют учиться – к производственникам, на винно-водочный, осваивать весь процесс. В логово врага, так сказать. Смотри там, бесплатным дегустатором не заделайся.

Понятно, подумал Панин. «Огласите весь список, пожалуйста!» – «Ликероводочный!» – «Я!!!» – «На сегодня нарядов не прислал!»

– Завидую. Будешь там, наверное, под видом молодого инженера. Девочек море, пойло бесплатное. Красота!

– Точно говоришь? – спросил еще раз Панин, пожимая с благодарностью руку товарища. – Ну, с меня причитается, Женя. Обещаю.

Сам он размышлял о другом. Не знаю, к кому ты там себя причисляешь, Симдяшкин, к умным или умеренно грамотным, но тут ты ошибаешься. Попался ты на «липу», начальниками для конспирации пущенную. Ведь если бы перед строем сразу и объявили: «Ликероводочный! Один человек! Капитан Панин! В связи, так сказать, с трудовыми успехами и чтобы впоследствии мог прищучить любой подпольный завод со знанием дела», кто бы поверил? Сразу бы заподозрили неладное, второе дно начали искать, по старой милицейской привычке. А так, когда слух из-под полы, а официально командировка секретная – как тут любой чуши, просочившейся с верхов, не поверить? И верят, вот Симдяшкин, например. Эх, Евгений, знать бы тебе, наивному, сколько у меня сейчас допусков в личном деле!

– Литр коньяка с тебя, Роман Владимирович, не ниже.

– Куда деваться, Евгений Филиппович, куда деваться.

5. Поиски в течениях времени

Поскольку поисковым группам, задействованным в теме «Несуразица», очень сильно, почти неограниченно расширили диапазон исследования явления, грубо говоря, сказали собирать в копилку все, хоть немного отстоящее от нормы, диапазон исследуемых явлений расширился неизмеримо. Тайно действующие в разных странах агенты, часто сами не знающие, для чего и кого собирают информацию, копали в любых возможных диапазонах. Часто это зависело от личных пристрастий и увлечений роющего, ну что же, это только уплотняло спектр исследований.

И вот среди моря мусора, типа статистики штрафования за переход улицы за последние пятьдесят лет в городе Лондоне, обнаружилось множество странностей, требующих, но не всегда имеющих объяснение. Да, пользуясь «бритвой Оккама», сводящей растолковывающие сущности к мизеру, можно было бы и их свести к чему-то простому и известному, но сейчас, как в физике микрочастиц в период кризиса семидесятых, «бритву» решили отодвинуть в сторону. Большинство обнаруженных случаев совсем не связывались друг с другом, но все же.

Весной 1948 года в порт Сурабая острова Ява зашел неизвестный корабль под советским флагом. Экипаж был военный, вел себя очень странно. Неизвестно вообще для чего причалил вооруженный транспорт. В конце концов он сгрузил на берег троих тяжелобольных людей и через час ушел из порта. Выяснить что-либо о корабле не удалось. Больных отправили в местный госпиталь. Характер заболевания выяснить сразу не удалось. Приблизительно в течение месяца двое умерли. Третий, однако, жил еще долго. Разговаривал он по-русски, но черты лица имел азиатские. Поскольку в больнице не нашлось ни одного переводчика, с ним никто не общался. И вот что интересно. Однажды в больницу попал американский врач с очень специфическим опытом. Осмотрев больного и сделав нужные анализы, он пришел к выводу, что у больного неизлечимая стадия лучевой болезни. Неизвестно, где этот врач приобрел нужные навыки, может быть, в Хиросиме, но факт оставался фактом. Американец, видимо, возжелал сделать на данном больном карьеру, а может, его планы состояли совсем в ином. Он привлек к факту внимание. Как известно, полугодом ранее СССР сделал ложное заявление о наличии у него атомного оружия. Теперь факт о некоем облученном русском заметила штатовская разведка. Тем не менее, учитывая район прихода информации, она не проявила должной прыти. Покуда шли бумажные запросы и такие же ответы, больной скончался. Что стало с трупом, неизвестно, может, его просто похоронили на ближайшем кладбище, а может, все-таки отвезли в лабораторию на исследование состава отравивших больного изотопов – след здесь затухает.

Возможно, он бы потерялся вовсе, если бы больной не вел какие-то записи. Там, в больнице, их никто прочитать не мог, но разочарованный неудачей американский врач забрал их себе. Неясно, сколько эти бумажные листы, скрепленные шнурком, валялись у него без дела. Тем не менее как-то, через несколько лет, уже в Джакарте они попали к одному знакомому доктору. Тот неплохо знал русский. С виду записи походили на дневники, если бы не странные события, зафиксированные там. Больной явно бредил, и его бред и галлюцинации носили очень устойчивый характер. Человек, расшифровавший эту писанину, питал тайное или явное пристрастие к литературе. Он переработал текст, теперь там совсем нельзя было отделить зерна от плевел, и попытался опубликовать полученное в виде повести. Не тут-то было. Может, виновато простое отсутствие таланта у писавшего, а может, еще что, однако их не опубликовали. Похоже, литератор делал неоднократные попытки, по крайней мере эти, в очередной раз едва не истлевшие рукописи, агент, копающий тематику «Несуразицы», обнаружил у одного бывшего сотрудника какой-то давно разорившейся журнальной редакции мегаполиса Лос-Анджелес. Даже помещения, в котором значилась редакция, давно уже нет, скорее всего перестроена

вся улица. Сам сотрудник находится в преклонном возрасте и смутно помнит, откуда вообще взялась эта рукопись. Чем-то она тогда его зацепила, но так и не была пущена в печать.

Врача, который обследовал того больного, найти не удалось. Индонезийца, написавшего повесть, давно нет. Попыток обнаружить свидетелей прихода на Яву вооруженного зенитками советского корабля среди каких-нибудь пенсионеров полицейских или служащих порта не делалось.

Были и другие странные случаи. Например...

6. Пробой

– Правительство, да и нас всех, интересует, какова вероятность повторного вторжения? – спросил советник президента США по национальной безопасности Луи Саржевский.

– Не думайте, что это любопытно только администрации и большим военным шишкам, господин Саржевский, – сверкнул в его сторону пронизывающим взглядом физик-теоретик Генри Литскоффер, – наука тоже пускает слюни в ожидании ответа.

– И все же, какова возможность повторения?

– Теория процесса продолжает уточняться. Мы, к сожалению, владеем параметрами лишь по нашу сторону «пуговины», в отношении другого конца все держится на чистой экстраполяции. Это ведет не просто к снижению вероятной точности, а к неохватному диапазону вариаций. Так что на вопрос о конкретной вероятности события ответить покуда нельзя.

– Но, господи, профессор, ведь какие-то выводы сделать все же можно? Неужели все бешенные деньги, которые вложены в вашу область физики за последние месяцы, – коту под хвост? Ведь должны же мы в политике из чего-то исходить?

– Понимаю ваше нетерпение, господин советник, но ученые работают. А за финансирование, разумеется, спасибо. Под такой долларовой дождь наша физика не попадала давно, – Генри Литскоффер поклонился, не вставая с кресла. – Для успокоения могу предложить вам некоторые соображения, которые, несмотря на отдаленность сходства, применимы к случаю. Хотя на счет «успокоения» я, пожалуй, погорячился.

– Боже правый, изложите хоть что-нибудь.

– Так вот. Знаете, что молния часто бьет в одно и то же место? Это связано не с ее личными симпатиями, а с некими физическими параметрами. То ли это место находится выше, то ли еще что-нибудь. Кроме того, на взгляд человека, молния возникает мгновенно – сразу по всей длине искривленного маршрута. Это, понятно, не так. Процесс все равно растянут по времени, можно сказать, молния нащупывает путь, изгибается, разыскивая дорогу с меньшим сопротивлением среды. Более того, существуют даже так называемые «пунктирные молнии». Они как бы состоят из маленьких отрезков, направленных друг за другом. Так вот, в нашем случае, вполне может быть, происходит нечто подобное. Параллельных вселенных, видимо, действительно бесконечное количество. Раньше это было чистой, оторванной от жизни гипотезой, теперь же глупо утверждать, что параллельных мира всего два, исходя из того, что лишь с одним имеется связь. Но речь не об этом. Канал взаимодействия пробит именно между этими вселенными – сейчас не имеет значения почему и как, теперь взаимопроникновение возможно хотя бы из-за того, что сопротивление среды меньше здесь, чем при контакте с другими мирами. Похоже, мы обречены на взаимодействие, и прибытие гостей возможно. Успокою вас лишь тем, что все это покуда теория.

– Да уж, успокоили. – Луи Саржевский вскочил с кресла и прошелся по огромной комнате туда-обратно. – Хорошо, профессор, а как там насчет управляемого переноса?

– Работа идет, господин Саржевский, и относительно быстро. Можете проверить по другим источникам.

– Мы вам верим, профессор. Не волнуйтесь.

– Да я и не волнуюсь.

7. Курьезы в узлах времени

Были и другие странные случаи. Например, однажды на одной из центральных улиц – нет, не Джакарты какой-нибудь – Москвы в 1998 году появился мужчина в неопределимой, похожей на старую советскую, военной форме. Он вел себя очень странно. При себе имел оружие – пистолет «ТТ». Пытался, угрожая этим оружием, арестовать остановившегося на платной стоянке бизнесмена, а также служащего, взимающего плату за стоянку. С явившейся милицией вступил в перепалку и сделал попытку бежать. В результате – угодил под машину. Умер, не приходя в сознание. Не опознан. Оружие изъято экспертизой. Также не опознано. Точнее, тип определен, но номер не соответствует реальности. В общем – курьез для экспертов.

Да, и здесь можно придумать массу объяснений, мало ли последнее время водится в СНГ сумасшедших, но все-таки?

Были и другие странные случаи. Например...

8. Старые друзья

- Вот это встреча, – произнес Панин, радуясь и удивляясь. – Какими судьбами?
- Да вот, занесло, – расплылся в улыбке Ричард Дейн, бывший пилот, а ныне человек, допущенный ко всяким таинственностям и даже к общению с русской разведкой.
- Как дела в родной Америке? – Они долго трясли друг другу руки.
- Устал я от нее, Рома, – скривился Ричард. – Не веришь? А, ну ты ведь у нас никогда не был. Тебе не понять.
- Темнота, что с меня взять? – Панин тоже улыбался. – Ты же с собой не берешь, а зарплата не позволяет делать такие круизы.
- Так ведь тебя и не выпустят, Рома. Вдруг ты попросишь политического убежища, сби-вай потом с налогоплательщиков деньги на твое содержание.
- Не смеши, Ричард. Америка что, за счет налогов живет?
- Ну так принято думать, Рома. Люди хотят в это верить, причем не только мы – амери-канцы, а вообще все.
- Умелая многолетняя дезинформация дала плоды?
- Еще бы не дала, сколько деньжищ в нее вбухали. – Оба собеседника наконец нахлопа-лись по плечам друг друга и уселись на диван. – Да, кстати, пока я там прохладился, ты тут время не терял. «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет!» – продекламировал американец. – Можно поздравить с капитанством?
- Разрешаю, товарищ летчик. Жалко, ты не поспел к пьянке. Было весело.
- Придется организовать по новой, да?
- Это будет только имитация. Хороша ложка к обеду, – подсадовал Панин. – Но не отчаивайтесь, коллега. Можно просто отметить возвращение блудного сына Ричарда в столицу России.
- Ладно, я согласен на медаль! – Дейн так и сыпал присказками, он явно не забывал в отъезде великий русский язык. – А вот меня в наградах обошли, так что я буду пить с горя. Куда нам до героев.
- Что, твое парение под парашютом и даже посадку на воду не отметили какой-нибудь серебряной звездой? – поинтересовался Панин.
- Да, господин разведчик, плохо у вас по части знания званий американской нации. Раньше, наверное, когда наши страны были в антагонистическом конфликте, вы бы отнеслись к изучению противника с большим вниманием. – Дейн потянулся. – С этим скачком по часо-вым поясам все так перепуталось.
- Ах да, у вас же там глубокая ночь, – вспомнил Панин. – Слушай, чего бы тебе не поспать? Завтра пообщаемся.
- Да нет, – отмахнулся Ричард. – Мне надо приспособливаться, да и вообще мы тут теперь снова в одной упряжке и надо оправдывать доверие ведомства, меня приславшего. А то с пило-тажем, похоже, окончательно все, – вздохнул бывший пилот вертикально взлетающего «Хар-риера», – и надо держаться хоть за эту почетную работу. Мне кажется, тут, у вас, затевается нечто интересное, и ты, друг, в центре сцены. Так ведь? А меня прислали побыть в свите, пона-блюдать за великим вблизи.
- Издеваешься, товарищ Дейн?
- Ни в коем разе, гну правду-матку, – махнул головой Ричард Дейн. – Я, как и прежде, приставлен для наблюдения и слежки. Но я несколько не расстроен, поверь – увидеть старого друга – дело почетное и нужное.
- Я тоже тебе рад безмерно, мой милый Ричард.

– По этому случаю я захватил наш национальный напиток – виски, – сообщил Дейн, роясь в увесистой сумке.

– О, контрабандный товар, – похвалил Панин забирая из рук гостя бутылку и разглядывая лейбл.

– Приступим прямо сейчас? – поинтересовался Дейн, уже отвинчивая крышечку.

– Ну, пить с иностранцем для разведчика и контрразведчика не пьянка, а вредный рабочий фактор, – констатировал Панин, – так что в принципе...

9. Находки в петлях времени

Были и другие странные случаи. Например, в одном из лагерей Колымы содержался на исправительных работах некий субъект. Осужден он был тоже приблизительно в сорок восьмом по стандартному тогда обвинению о связях с американским и прочим империализмом. Устроился он, однако, неплохо, много лет заведовал местной лагерной библиотекой. Рассказывали, что был он несколько не от мира сего, в частности ни с того ни с сего сжег собрание сочинений Фенимора Купера. Еще он утверждал, что жизнь в мире совсем не такая, как о ней толкуют в газетах, и, вообще, попадающие в тюрьмы газеты печатаются только для них. Еще он уверял, что Антарктида уже заселяется, а над остальным миром, кроме Колымы, строится большой хрустальный купол. Кличка у него была – Морской Коммуняка. Странно, почему он не угодил со временем в дурдом? Тем не менее он отсидел почти весь срок. Освобожден был несколько досрочно – в семидесятом, вроде бы отправился в Ленинградскую область, разыскивать семью. Далее след теряется.

Что в этом случае странного еще? Уточненные данные насчет обвинения выявили казус: дополнительно ко всему обвинение в участии в строительстве взлетной полосы для американских бомбардировщиков на острове Тасмания. Следовательно, ведущий дознание, явно отличался раскрепощенностью воображения. Но вот что странно, этот фантазер с Лубянки так и не был выявлен, то есть человек с таковой фамилией никогда в НКВД или КГБ не работал. А то, что на далекой Тасмании никогда не создавались крупные военные аэродромы, и так всем понятно.

Всему рассказанному можно придумать множество рациональных объяснений, однако в тюремной библиотеке сохранились дневники Морского Коммуняка.

Были и другие странные случаи. Например...

10. Бои

Глобальное просеивание всяческих несуразностей за долгие годы выявило в массе мусора некоторые зерна истины. Оказалось, в наш мир действительно проникают пришельцы. Нет, это не какие-нибудь зеленые человечки с рожками вместо ушей – нормальные люди. Только вот живут они в некоем не очень нормальном, с нашей точки зрения, мире. Похоже, в чрезмерно милитаристском мире. Этот мир расположен в иной, параллельной вселенной, совсем такой же, вот только история там развивается почему-то по-другому. И не всегда оттуда являются корабли – иногда и отдельные, ничего не понимающие в произошедшем люди. Прижиться в новом мире они не могут, речи их о себе похожи на бред, а потому дорога их жизни лежит напрямую к объездам психиатров. Обшарив десятки сумасшедших домов, разведывательные службы обнаружили одного такого клиента. Седенький старичок, прошедший в закрытом заведении не один десяток лет. Однако он представлялся адмиралом флота Советского Союза, а то, о чем он рассказал, могло сделать умалишенными чрезмерно впечатлительных слушателей. Там, в его мире, события не свелись к «холодной войне», там она все время находится в «горячей» фазе – идет вечная битва за торжество коммунизма в пределах всей планеты.

А на нашей Земле, в кабинете президента и в Пентагоне проводятся непрерывные совещания. «Наличие в акватории кораблей с ядерными двигателями стимулирует процесс перетекания материальных тел из соседнего измерения, – утверждают ученые. – Во избежание эксцессов лучшее решение сейчас – убрать авианосцы подальше. По крайней мере до момента, пока наука не разберется со всеми тонкостями». Не тут-то было, военные чины опасаются намеренного вторжения «оттуда».

Они правы, оно происходит, правда, не намеренное, но кто об этом знает? Теперь американский флот предупрежден – он уверен в себе. Однако не тут-то было. Оттуда тоже явились не слабые ребята. Они закалились не на учениях, а в частых локальных столкновениях, в которых, в отличие от нашего мира, иногда используется тактическое ядерное оружие. И идет битва не на жизнь, а на смерть. Но миры все же имеют отличия в частности, каждая из сторон удивляет другую принципиально новыми техническими решениями. Но тонут невидимки-корабли, изготовленные по технологии «Стеллс». Взрываются под градом ракет невиданные доселе экранопланы. Наносит удары по гиганту «Си-вулфу» сверхглубоководная лодка таинственного происхождения. Сбиваются с орбит неведомыми средствами спутники-шпионы, ранее беспечно крейсировавшие над Землей-мамой годами. Армагеддон в техногенном исполнении не заказывали? Распишитесь в получении!

Но, наконец, посетители из иного мира вновь проваливаются в тартарары. Можно вздохнуть спокойно. Или еще нельзя? Может быть, и можно. Выявлен катализатор процесса – эксперименты с излучением на международной станции «Альфа». Так что вторжений больше не ожидается. По крайней мере – непреднамеренных. Военному флоту можно несколько расслабиться, а вот ученым засучить рукава еще более.

А остальным – рот на замок и забыть, забыть. Не было никаких виртуальных проникновений, просто несколько аномальных случаев с боеприпасами, в том числе с атомными, да еще обмен ударами с российским (конечно, местным, каким же еще?) флотом. Инцидент разрешен, стороны обменялись извинениями, а во избежание вероятностных эксцессов снижают степень боевой готовности. Нет, президентов снимать не следует, они проявили себя молодцами в период произошедшего кризиса. Да, подробности засекречены. Когда-нибудь, когда-нибудь...

Часть вторая

СКВОЗЬ ПУПОВИНУ МЕТАГАЛАКТИК

*Темнота впереди, подожди,
Там стеною закаты багровые,
Встречный ветер, косые дожди,
И дороги, дороги неровные.
Там чужие слова, там дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там пожухла, сгорела трава,
И следы не читаются.*

Владимир Высоцкий

1. Машина

Когда задача прикладной науке поставлена и средств не жалеют, она обычно решается. Ученые Земли столкнулись со странной, необычной проблемой, но от других проблем, решенных за последние лет сто, она отличалась лишь своей экзотической оболочкой. Когда теоретические модели более-менее пообтесались – приобретая устойчивость выдолбленных природой гранитных монолитов, с той разницей, что их контуры были очерчены не шершавой, удобной для осознания оболочкой, а формулами и расчетами, материальность которых ощущалась лишь раскованным воображением математиков и объемными компьютерными графиками, – за дело взялись техники. Мы знаем, как долго в настоящее время идея движется к готовому экземпляру чего-либо: какой-нибудь несчастный истребитель доводится до серийного лет десять-пятнадцать. Но там учитывается множество второстепенных для данного случая факторов, как то: себестоимость, возможность конвейерной сборки и т. д. Здесь был другой случай. Нечто сходное случилось при создании атомной бомбы: средств никто не жалел, поэтому в целях экономии времени разрабатывали несколько вариантов получения ядерного сырья – урана-235, а кроме этого, одновременно готовили плутоний. Тогдагодились все варианты, но и одного бы хватило. Вот и сейчас финишная черта была очерчена, красная ленточка повязана и дан старт. Вот только пути-дороги к нему могли быть разными, и те, что казались короче, на самом деле могли стать входами в лабиринт с тысячами тупиков.

Но мы не будем здесь обсуждать все потенциальные возможности и все технические решения, оставшиеся прожектками: во-первых, слишком их много, а во-вторых, наверняка существовали совсем нетронутые тропы, по которым кто-то не пошел, а кто-то сорвался, оступившись о случайный камешек. Да и вообще, в каждом деле, по большому счету, важен результат, и победителей к тому же не судят. И прошло относительно немного времени, месяцы – не годы, как не в теории, а в чистейшей практике возникла машина для переброса материальных тел через завесу «виртуальности» – туда и обратно, причем не только всяческих напичканных датчиками железяк, а даже вполне живых и достаточно разумных, например гомосапиенсов.

2. Дебиты и кредиты

– Мы долго совещались и думали, товарищ капитан, – сообщил полковник Ковалев, сканируя Панина с головы до ног. – Теперь выбор сделан, но вы, конечно, имеете право отказаться.

– Да, нет, товарищ полковник, как я могу не оправдать такое доверие, – как истинный и скромный герой отчеканил в ответ Панин.

– Я в вас и не сомневался, Роман Владимирович, – кивнул начальник отдела. – Сами понимаете, если бы сомневался, так и не предложил бы вверх кандидатуру. Между прочим, обсуждали ваше участие на самом высоком уровне, гораздо выше, чем обычно. Правда, и задание у вас необычное. Так вот, даже американские спецслужбы приняли участие. Вы им тоже подходите. Наверное, ваш друг-товарищ оттуда подсобил, признайтесь, – подмигнул Ковалев.

– Честно, не знаю, Евгений Яковлевич, – пожал плечами Панин.

– Ну-ну, – шутя погрозил ему указательным пальцем полковник, – ведаем мы, что такое личные связи. Похоже, в отделе процветает махровый протекционизм международного масштаба, правда, Иван Денисович? – повернулся он к сидящему поблизости майору Воронкевичу.

– Что, товарищ полковник, возьмем новую тему в разработку? – подыгрывая, отозвался непосредственный начальник Панина.

– А почему нет, Иван Денисович? Нужно устранять кумовство и прочее сводничество в пределах нашей охраняющей мировой капитализм организации, так?

– Всеми руками «за», товарищ полковник, – подтвердил Воронкевич. – Срубим пару-тройку вступивших в преступную связь со сводней голов, и воцарится окончательная благодать и светлое предпринимательское будущее на все времена.

– Аминь! – поставил точку Ковалев. – Ладно, хватит веселиться. Дело у нашего товарища действительно опасное и не имеющее прецедентов в истории. Укажу, кстати, что ваше знание Москвы сыграло в процессе выбора одну из первостепенных ролей. А еще, между прочим, то, о чем я недавно с вами беседовал, Роман Владимирович. Помните?

– Э...

– Да, именно. Вы у нас холостой, неженатый. И оказывается, в некоторых случаях это к месту. Работа вам предстоит рискованная. Хуже того, мы даже приблизительно не способны на сегодня оценить степень риска. Вам придется проделать это самому и там, куда вы попадете.

«Вот и пришла расплата за пряники-погоны», – подвел черту Панин, но вслух он этого не сказал – поскромничал, он еще не дорос до званий, когда разрешается шутить без спроса.

3. Куда утекают деньги

Да, к сожалению, она не обладала компактностью и простотой Машины Времени Уэллса, правда, она и во времени не путешествовала, но все же по решаемым функциям она была похожа, позволяла попасть в некое параллельное время, и пусть даже всегда в одно и то же. А насчет миниатюрности, так во многих случаях великанские размеры внушают большее уважение, и высоким чинам без всяких комиссий визуально ясно, куда ухлопались и кем сожрались миллиарды – вот этим огромным, неохватным взглядом монстром железным и сожрались, и им же будут сжираться дальше, и сразу ясно – почему. Одного персонала – считать не пересчитать. Так это только постоянный, а сколько прикомандированных из всех стран и со всего мира? Да и постоянный не весь, а лишь первая смена.

Но бог с ней, с себестоимостью, серийно строить не собираемся, не столь мы богаты, да и двусторонняя договоренность с Соединенными Штатами как-никак. Так что воздвигли по одной: вот эта здесь, в московских окрестностях, а другая где-то в пустыне Колорадо или Скалистых горах. В затянувшийся период гласности мы так обнаглели, что, как видно, поменялись с Америкой местами в плане соблюдения секретности, раньше бы такую штуковину разместили в безлюдной пустыне Бетпак-Дала, в центральном Казахстане, и для надежности вкопали бы в грунт метров на пятьдесят, а сейчас – вот она, любуйтесь, даже со спутников фотографируйте, если угодно. Одно успокаивает, спутники дело дорогое, туристам-террористам всяким не по карману, а лесок окрестный все же, по старой доброй традиции, оцеплен и пояском минным подвязан. Но это все трюизмы обеспечения, кому они нужны. Суть-то где?

А вот она. Если я правильно понимаю, всех волнует, по делу ли ухлопаны народные деньги? Каковы возможности? А вот каковы! Действует на любой дистанции, на любую компактную массу. Лишь бы энергии хватило. Ну что же, хоть у нас сейчас и не сорок пятый, когда у Штатов монополия на бомбу существовала и нужно было резать бюджет по живому, дабы догнать и перегнать, но все же аврал – полундра! Придется нашему хлебнувшему демократии народу ремешочки подтянуть, вспомнить славные героические времена.

4. Рацпредложения

– Ну, что, господин разведчик, готов? – осведомился Ричард Дейн, оценивающе осматривая Панина. Говорил он по-русски, но акцент был замечен. Они уже давно договорились совершенствовать друг друга в языках и всегда следовали этому правилу, находясь наедине. Так что контрразведчик доложил, как положено, на английском.

– К бою готов!

– Интересная штука, правда? – спросил американец неизвестно о чем.

– Что именно?

– Ни кабины, ни даже скафандра какого-нибудь не надо. Удивительно.

– А, дают о себе знать честно отработанные летные часы, да, пилот? – усмехнулся Панин. – Вам для взлета подавай авианосную группу, как минимум? Может, лучше галактический крейсер с эскортом?

– Наверное, товарищ гуманитарий, – подтрунил в свою очередь Дейн. – Ведь у тебя, кажется, юридическое образование-то?

– И оно тоже присутствует, Роберт. Бумажные мы крысы, куда деваться. А что, господин научный эксперт считает, что в вакуумном скафандре будет безопасно вполне? А может, приторочить к спине надувной спасательный плотик?

– Была бы моя воля, то да, – кивнул представитель американской научно-разведывательной группы.

– Это если вдруг выпадет очутиться где-нибудь в океане-море, так? – продолжал разворачивать шутовскую дискуссию Панин. – А если на глубине? Может, все-таки жесткий водолазный скафандр пригодится?

– Уж тогда для солидности – батискаф, глубина ведь может быть всякая.

– О верно! С экипажем и с парой ядерных торпед для той же солидности.

– Согласен вполне, – кивнул Ричард Дейн, улыбаясь.

– Во сколько обойдется таковая экспедиция, а, наука?

– В годовой бюджет маленькой страны, наверное. И что?

– И ничего. Двумя руками «за». Давай совместно обратимся к обоим нашим президентам с доблестным рацпредложением. – Последнее слово Панин произнес по-русски – эквивалентов в английском не присутствовало.

Обоим участникам диалога стало смешно.

5. Переход

И ничего не случилось. С организмом, имеется в виду. С организмом разведчика ничего не случилось. С внутренними органами разведчика планеты Земля: прописка – Солнечная система, галактика Млечный Путь, Вселенная самая истинная из всех истинных; шпиона, снаряженного для сбора информации на планете Земля: прописка – Солнечная система, номер «три» от светила, в галактике Млечный Путь, в менее истинной и покуда засекреченной от лишних ушей-глаз Вселенной-2.

И даром его потчевали противорвотными таблетками и уколами от болевого шока, а может, и на тренажерах катали до одури тоже даром, потому как выпрыгнул он в этом ложном зеркальном мире как свеженький огурец, проскользнув в «угольное ушко», как подкалиберный снаряд, аккуратно упакованный в пластмассовый кожух, по смазанному маслицем стволу. Да, кое-кто, тот же гений популяризации – господин Литскоффер, предсказывал своими формулами отсутствие видимых эффектов на уровне человеческого восприятия, но кто его сильно слушал? Разве только тот, кто и так понимал? И действительно, если уж было бы воздействие, то почему же оно должно было оказаться таким щадящим, что от него противорвотные таблетки обороняют не хуже линии Маннергейма? В ЖД аварии бывали? Подумаешь, поезд на поезд набросился. А трупов-то сколько, сколько вагонов, с насыпи кувыркнувшихся через голову, колесных тележек оторванных, стекол битых и дверей вышибленных? А здесь – субсветовой разгон, гравитационное сжатие, выворот наизнанку со сменой внутреннего электрического заряда, возможно, еще что-то, только формулами выражаемое, какой-нибудь спин-разворот и прессование времени, а потом все в обратном порядке, а может, еще хуже. И вы хотите, чтобы тело наше, генетически для скольжения по лианам приспособленное когда-то, а ныне даже этого не умеющее, отделалось рвотным рефлексом, тошнотой и потемнением в глазах? Многого вы хотите от своей природы или от окружающего мира. Делаем ставку: кто за «первое»? Разницы в последствиях ставки вроде бы нет, но она очень существенна. Природа бесконечного мира вокруг обладает неизмеримой многоуровневой сложностью, а природа нашего устройства тоже обладает неизмеримой, но конечной сложностью, поскольку есть только часть целого. Если уж природа перехода решилась бы ударить, то это бы был молот размером с город, и можете хоть припарки из таблеток делать, хоть одеяло из них шить и укрываться им по уши: молот опускается, наковальня радостно ждет, и вы мечетесь, не добегая до края.

Так что те, кто сделал ставку на «второе», шаг вперед! Вы выиграли. Природа оказалась на удивление ласкова либо до удивления глупа – она позволила биологическим системам, как и более простым – неорганическим, производить переход безболезненно. А потому никаких ощущений. Плавная остановка трамвая, «двери открываются!». Вы уже на месте. А какой ценой? Сколько мегаватт, гигаватт? Для того, кто участвует в «скачке», это не важно. Антропный принцип – своя рубашка ближе к телу. Подкалиберный снаряд вышел из ствола, какое дело ему до пославшей его гаубицы? Начальный импульс погашен, теперь его ход!

6. Под впечатлением

– Ну что, милый Луи? Как ваше впечатление? – спросил Саржевского расслабленно, по-домашнему сидящий на диване главный администратор Соединенных Штатов.

– Впечатление впечатляет, скажу честно, господин президент, – доложил советник по национальной безопасности, приземляясь в кресло. – Я, правда, не имею технического образования, так что на меня воздействует, наверное, сильнее, чем на какого-нибудь химика-производственника. Гигантская штука. Вы фотографии видели?

– Смотрел, – кивнул глава исполнительной власти. – Почему на видео не сняли, а?

– Из-за секретности повышенной, как я понял. Мол, если что просочится, то фото легче объявить подделкой, чем цветной, красивый фильм.

– Господи, Луи, как глубоко в печенках сидит у меня эта секретность. Самое главное, чем дальше, тем хуже, – пожаловался руководитель самого сильного государства мира.

– Да, господин президент, пласт событий все растет, а последствия делаются все более непредсказуемыми.

– Хоть ты меня понимаешь, Луи. – Правитель страны, ведущей в своих границах борьбу за здоровье нации, потянувшись за сигаретой, – с появлением Проблемы он тайно возобновил эту юношескую привычку. – Ну, рассказывай, что и как.

– Как я уже доложил, производит впечатление. Постройка огромная. Размером с небольшой завод. Мне пояснили, что пришлось в полной тайне перераспределить потоки электроэнергии двух штатов, дабы снабдить ее электричеством вдоволь. Некоторые ученые высказывали пожелание иметь поблизости собственную АЭС.

– Размечтались, – пыхнул дымом президент.

– Еще говорят, что наша модель уменьшенная, сравнительно с размещенной под Москвой, строилась с учетом накопленного опыта. Представляю, что воздвигли там.

– Я видел фото, Луи.

– Я не буду рассказывать устройство, пусть уж этим занимается знакомый нам с вами Литскоффер, да я и не смогу. Но вся эта штуковина создает чудовищное напряжение полей в нужной области пространства. А главное, что она работает.

– Хотел бы я взглянуть на это чудо, – подсадовал главный чиновник самой свободной страны. – Однако не стоит раздражать журналистов исчезновением президента в неизвестном направлении. Они и так никак не угомонятся после морских эпопей. И все-таки, Луи, как твое мнение, эта гигантская постройка, пирамида Хеопса нашего времени, она разрешит Проблему?

Советник по национальной безопасности пожал плечами.

7. Место встречи изменить нельзя

Отпуск в другую вселенную не хотите? Слишком накладно? Ну а если командировочка за государственный счет? Билет туда-обратно, все оплачено? Вот и я так думаю.

Господин Панин Роман Владимирович, офицер госбезопасности Российской Федерации, осматривался вокруг. Гением науки и цепочкой обстоятельств он был перенесен во вселенную-дубликат, а может, сам он был теперь дубликатом, а истинный Роман Владимирович парил где-нибудь в вакууме, вдыхая виртуальный кислород, и не исключено, что существовало уже сто Паниных – клонов-матриц, разобщенных по ста вселенным, ста галактикам, ста солнечным системам и ста планетам земного типа, кто их знает, эти законы переходов между мирами. И в сущности, граничные условия, куце ограниченные километровыми формулами, допускали и такое.

Покуда бывший старший лейтенант – ныне капитан – Панин осматривался, стремясь визуально увидеть разницу физических законов, убедиться, что не обманут многонациональной ученой братией, дабы изучить реакцию русского офицера на стресс-новинку, мир вокруг него шелестел желтизной осени, блестел ручейком, голубел небом, белел облаками, слепил ближайшей звездой и нависал обрезанным по краю безжизненным планетарным спутником – словом, притворялся Землей на всю катушку.

Может быть, тут и люди водились, то есть псевдолюди? Еще как водились. Вон, полетел серебристый, белый след оставляющий псевдореактивный, даже звук издал, как водится. А значит, местные аборигены создали технологически развитую псевдоцивилизацию для производства этих самых псевдолайнеров и заодно прочих целей. И будем, господин офицер Панин, исходить из того, что местная псевдоистория долго-долго следовала с нашей родной рука об руку, и только не слишком давно разошлись те пути-дорожки в разные стороны. А значит, где-то здесь поблизости находится псевдогород, псевдо-Москва, Москва за номером «два». И надо нам сейчас осмотреться и двигаться в привычном направлении, исхоженном в истинном мире несколько раз и ночью, и днем, и в дожде-грязевую слякоть. Потому как нет ученым людям охоты бывшего старшего лейтенанта Панина назад в мир-перевертыш поворачивать, знают они точно, что вернуть его возможно – делали уже таковые штуки с другими военными, правда, англоязычными, но физиология оных от Панина скорее всего не сильно отличается, раз не надо делать срочного возвращения на родину.

А потому – ноги в руки, только сверим часы, подзаведем пружинку, старую механическую из музея. «Ориент» какой-нибудь или швейцарские, конечно, надежнее, но не знаем мы покуда, какие здесь часики в моде, а старинные, словно от дедушек-прадедушек доставшиеся, до развилки роковой выпущенные, в самый раз.

А еще, запомним место, хорошо запомним, потому как только с этого места мы когда-нибудь стартуем обратно, в Подмоскovie нашего мира.

8. Взгляд геополитика

– Господин Эпштейн, вы у нас самый известный геополитик из тех, кто введен в курс Проблемы, осведомлен с материалами операции «Несуразица» и с ходом произошедших в Тихом океане военных столкновений, – произнес старший советник президента США.

– Господин Саржевский, вы явно преуменьшаете мою уникальность, – возразил Эпштейн, вытирая вечно потеющие руки о собственные брюки, – я не просто самый известный из допущенных – я вообще единственный, правда, в чем тут моя заслуга, я не очень представляю.

– Не скромничайте, господин Эпштейн. Вас знает почти весь мир.

– Вы снова мне льстите, и вы и я понимаем, что девяти десятых населения этой милой планеты наплевать не только на меня, но даже на проблемы, по которым я когда-то защищал ученые степени, а девятюста девяти, с девяткой в периоде, процентам до лампочки я лично.

– Вы очень критичны к самому себе, – отработанно улыбнулся Саржевский. – Ваше лицо неоднократно появлялось на экранах телевизоров.

– Ну, это совсем ни о чем не говорит, вы тоже там иногда мелькаете, а уж догнать какую-нибудь рок-звезду ни мне, ни вам вообще никогда не удастся. И кстати, слава богу, там демонстрировалось только лицо, а не вся моя туша. – Ник Эпштейн фигурой напоминал парящий на малой высоте воздушный шар. – Ладно, господин советник, о чем вы и остальные присутствующие господа желали переговорить? – В комнате, кроме Саржевского, находились еще несколько чиновников из различных ведомств. Некоторые из них были поставлены в известность о Проблеме не для того, чтобы ее разрешить, а просто из-за того, что обойти их в получении информации было невозможно. Были, разумеется, и военные, но они маскировались в гражданских костюмах.

– Вы правы, господин Эпштейн. Все мы люди занятые, и нам некогда тратить время на пустопорожние разговоры. Так что перейдем к делу. Мы хотели бы услышать ваше авторитетное мнение по поводу Мира-2. Можете учесть, что все, – Луи Саржевский обвел взглядом помещение, – в курсе, что ваше мнение будет в основном состоять из допущений.

– Правильное замечание. Однако я вынужден расширить его еще более. Первое, господа, и самое главное: мы, в смысле наука, геополитика или кто угодно еще, ничего конкретно не знаем. Никто в Мире-2, собственно говоря, не бывал. Начаты уникальнейшие практические эксперименты – результатов еще нет. Испытательные переправы первых «пилотов» туда и обратно в расчет брать нельзя, они не вступали ни в какую связь с окружающей их новой действительностью. Тем не менее мы можем кое-что предположить с определенной долей уверенности. Мир номер «два» существует и не слишком сильно отличается от нашего. – Ник Эпштейн сделал эффектную паузу.

– То есть? – выразил удивление кто-то из чиновников.

– Там есть кислород, он пригоден для жизни и т. д. Любая из планет Солнечной системы настроена к человеку в тысячу раз враждебнее. – Эпштейн хохотнул – некоторые из присутствующих переглянулись. – Но речь, конечно, не об этом, не о его биологической пригодности и не о том, кто его населяет – знаем, что люди. И вопрос, волнующий и вас и меня, в том, при какой социальной структуре живут эти самые люди и, более того, чем нам грозит общение с этими самыми структурами. Из того, что происходило здесь, в нашем мире, при вторжении чужого флота, можно заключить, что там не очень спокойно и не слишком весело. Конечно, до сих пор нельзя с точностью установить, было ли это самое вторжение преднамеренным или же произошло случайно для обеих сторон. Тем не менее, скорее всего, и желательней, между прочим, что соприкосновение вселенных было неожиданностью не только для нас с вами. Из этого постулата и будем исходить, так как в другом случае нам придется предположить, что Мир-2 чудовищно превосходит нас в технологии, сейчас мы уже в курсе, какие мощности тре-

буются для переноса между мирами даже небольших объектов, а что говорить об авианосцах или атомных лодках? Подтверждением постулата является то, что явившиеся к нам корабли имели сходный технологический уровень, исключая некоторые загибы, находящиеся тем не менее в пределах допуска возможностей теперешнего уровня развития цивилизации. Можно, конечно, нагородить кучу допущений о том, что нас специально обманывали, посылая в битву старье, но это звучит чрезмерно надуманно и нелогично. Ведь мы ранее абсолютно ничего не знали о Мире-2, и, вводя нас таковым образом в обман, он грубо выдал сам факт своего существования. Теперь вот что. Исходя из воинственности пришельцев, скорее всего на той Земле не все в порядке и, наверное, давно. Конечно, снова допустимо, что мы случайно столкнулись с некоей кратковременной фазой обострения там военно-политической ситуации, но все же здесь нам следует исходить из худшего варианта: геополитическая обстановка в Мире-2 такова, что наш беспокойный двадцать первый век может показаться им тихим девятнадцатым.

И вот что нас с вами волнует еще. – Ник Эпштейн почесал массивный картофелеобразный нос. – Как в том мире могла возникнуть столь непохожая на теперешнюю нашу военно-политическая ситуация. Ведь в нашем мире Россия как-то не слишком претендует на острова Фиджи или вообще на что-то в той далекой акватории, правда. – Слушатели согласно закивали, наконец-то дискуссия докатилась до интересующей их темы. – Но ведь там мы имеем дело не с отдельно взятой Россией, а все-таки с Советским Союзом. А это не одно и то же, согласитесь? Как он там сохранился по сию пору? – Эпштейн пожал плечами и пощупал двойной подбородок. – Скорее всего на ситуацию там повлияли какие-то сугубо специфические исторические условия, неизвестные нам факторы. Установить их нам покуда не дано. Но в целом ничего особо чудесного в произошедшем там нет.

– Подождите, – поднял руку Саржевский. – А как же кризис и крах коммунистического блока?

– Кризис, возможно, был и даже наверняка случился, но вот там, в силу неясных нам факторов, он был успешно преодолен.

– А как же несостоятельность социализма вообще?

– Какая несостоятельность, господа?

– Ясно какая. Вы что, не помните? Строй, возникший в СССР, есть перенесенный из прошлого в двадцатый век рабовладельческий?

– Не надо, пожалуйста, повторять тут всякие идеологические клише. Общество управлялось сверху, ну и что здесь такого? Управлялось жестоко, ничего не возразишь, однако, если принять во внимание уникальные условия изначально враждебного окружения, отсталость и так далее... Впрочем, об этом не стоит долго. Возникший в восьмидесятых годах прошлого века кризис был специфическим кризисом коммунизма. Отметая мелочи, это – кризис системы управления. Ее следовало усовершенствовать, а не пытаться ввести вместо нее некую саморегуляцию. Что из этого получилось, знают все. Полный развал. (То, что он на руку нашей собственной стране, к делу не относится.) Саморегуляция, то есть, по существу, не ограниченное ничем господство свободного рынка, была, возможно, где-нибудь в уже упомянутом девятнадцатом, но никак не сотней лет позже. Общество слишком усложнилось, хотите не хотите, а оно вынуждено иметь институты, управляющие им. Страны Свободного мира давно уже потихоньку внедряют внутри себя относительно жесткий тоталитарный контроль, просто они об этом не шумят. Строй Советского Союза был по сравнению с окружающим миром огромным шагом вперед – в плане возможности управляемого прогресса, понятное дело, а не в соблюдении элементарных прав личности. Именно поэтому он сумел долгие годы держать темпы экономического роста, невиданные в истории нигде и никогда. Это было достигнуто с помощью нового вида надгосударственной структуры, тайно и явно сконцентрировавшей в своих руках все рычаги управления. Структура эта, как мы знаем, называлась КПСС. Конечно, это была вовсе не партия, мы с вами об этом ведаем, это был аппарат, необходимый для тоталь-

ного управления. Партией он назывался только для маскировки. Далее, в развитие темы. Мы знаем, что в именуемые Застоем годы СССР – даже у нас, в этом мире – сумел сравниться с самой сильной державой планеты по многим показателям. Да, он безусловно отставал. Он был изначально слабее и поэтому, в конце концов, лопнул от невыносимой нагрузки. Мы, страны Свободного мира, его победили и положили на лопатки, а дабы он более никогда не поднялся, внушили побежденному, что он был неизлечимо и смертельно болен. А в параллельном нам мире – повторяюсь – в силу неисследованных причин проистекли известные следствия. Советский Союз сумел преодолеть внутренний кризис управленческой системы, перестроить ее с учетом научно-технической революции. Возможно, имел место некоторый спад, а возможно, и не имел, просто случилась небольшая задержка темпов развития, а затем, перестроившись, он быстро взял реванш над Западом, находящимся в принципиально невыгодных, с точки зрения перспективы, условиях. Скорее – вынужден снова подчеркнуть – в силу каких-то не случившихся у нас исторических реалий СССР там обладал некой форой. Она решила дело. (Кстати, узнать, где и как была получена данная фора, нам очень даже желательно и не только из пустого любопытства.) Когда Запад из наступательной позиции был вынужден уйти в оборону, Союз перешел в наступление. По тому, как нагло вели себя его корабли в нашем мире, думаю, в настоящее время всеми козырями в тамошней геополитике обладает именно Союз. Скорее всего, Соединенные Штаты, и вообще весь Запад, загнаны в угол.

– Однако все же, – дополнил Луи Саржевский, – он еще огрызается. Ведь в случае «лапок кверху» военные действия бы вообще не требовались.

– Все может быть, в отношении причин и следствий произошедшего там у нас огромный запас допусков. Не нужно забывать об оговоренных вначале условиях – все наши умозаключения касательно того мира абсолютно прикидочны, просто попытка объяснения отдельных попавших в наше поле видения фактов.

– И что же теперь?

– Продолжаем действовать по плану. В случае неясности обстановки первая скрипка принадлежит разведке. В нашем случае разведкой является наука. Возможно, усилия не пропадут зря и это сдвинет ножницы допусков еще чуть-чуть. За последние дни дело пошло вперед – в Мире-2 находится разведчик. Если ему повезет...

– А вы лично, господин Эпштейн, возлагаете на агентурную разведку туда большие надежды? – внезапно задал вопрос один из присутствующих.

Геополитик потискал подбородок:

– Не хочется вас всех разочаровывать своим предвзятым мнением.

– И все же?

– Может произойти то же, что и с космонавтикой.

– Это как?

– Люди покуда не шагнули далее Луны, а автоматические станции облетели восемь планет из девяти.

– Понятно.

– Тем не менее я могу ошибаться.

9. Этот недобрый противоположный пол

Вообще-то он заметил, что красивых женщин здесь было меньше, или это сказывались внесенные извне привычки, может, просто там, в покинутой Вселенной, они были более пестрыми, более разнообразными в одежде, прическах, гораздо развязнее в поведении. Могло быть и так, кто против? Могучая поступь социализма несколько нивелировала разнообразие, или просто не сказалось на людях заокеанское развращающее богатство. Панин не знал этого, он просто фиксировал свои ощущения, его обязанность была запоминать все текущие нюансы. Но к девушкам он присматривался не только из спортивного интереса и дабы развеять скуку, ему действительно нужен был близкий контакт с представительницей здешнего человечества, эта акция была даже спланирована большими начальниками. Она преследовала несколько целей, и амурные развлечения Панина стояли тут далеко не на первом месте. А нужны начальникам были информация и законспирированное местожительство для разведчика, коим являлся Панин. Так что Панин находился в крайней точке известной ситуации: «Девушка, вы не скажете, который час? И год, пожалуйста, заодно? Это город Москва, если не ошибаюсь? И она столица СССР, правильно? Слава богу, угадал. А то знаете, так кушать хочется, что переночевать негде». Благо что язык родной, хотя есть отличия, чувствуются в произношении. Все-таки больше шестидесяти лет нахождения в разных областях истории.

И вот сейчас Панин высматривал «добычу». Сам он представлял неплохую, но далекую от идеала ловушку для дам. Вся ее прелесть базировалась на личных качествах, то есть первоначально на внешности, однако и здесь он находился в некотором проигрыше. Он не мог использовать наряд местного стиляги не только в силу того, что у него не имелось большого гардероба, – денег на приобретение костюмчика хватало (потолкавшись по небольшому продовольственному рынку районного значения, он пополнил свои карманы содержимым трех кошельков и один из трофеев оправдал затраченные усилия и риск), просто он не мог, вследствие нелегальности, использовать имидж фраера; кроме того, по природным данным, он не обладал внешностью киноартиста (понятно, что если бы для дела понадобился Ален Делон, такового бы быстро подобрали, но требовался середнячок, не привлекающий лишнего внимания); а еще он, имея подвешенный язык, был связан по рукам и ногам, он еще не ведал о модных здесь фильмах, популярных кинопрограммах и вообще ни черта не понимал даже в текущих политических событиях, а не то что в местной истории (о чем он мог говорить, не опасаясь засыпаться или сойти за сумасшедшего?). Но ведь для добывания информации он и действовал. По перечисленным выше причинам он не рассчитывал, что окружающие московские красавицы будут бросаться ему на шею, он надеялся «урвать» какую-нибудь «серую мышку», не слишком молодого возраста, у которой ко всему прочему окажется отдельная квартира, ежели таковые здесь наличествуют. Этот мир пошел не по пути удовлетворения материальных благ и накопления вещественных ценностей, однако наверняка под этой внешней аскетической оболочкой крылась неугасимая жажда-мечта красивой жизни, по крайней мере, у представительниц слабого пола. Но и ловушки подобного уровня не было в распоряжении Панина, он не мог небрежно остановить возле легко скользящей по тротуару незнакомки удлиненную сигару похожей на космический корабль «Волги-ГАЗ-44», у него просто не было такой штуки, как, впрочем, и прав на ее вождение. Он был голодным удильщиком, без удочки, лески и червей, а кроме того, море кишело акулами, способными заглотнуть его самого не пережевывая. Так что задание, как ни крути, было очень сложным, а вот выполнять его нужно было весело. Он и выполнял.

Он сделал пять попыток, и все неудачные. Но в Москве-2 имелось, по крайней мере, около миллиона (плюс-минус пятьсот тысяч) незамужних или же разведенных женщин, так что

у Панина был впереди большой плацдарм, к тому же он не собирался охмурять их всех, первая же его удача автоматически ограждала оставшихся москвичек от его амурных притязаний.

Пять неудач били по самолюбию, но, во-первых, никто из потенциальных жертв ему не грубил, две просто проигнорировали, не сбавляя темпа прошествовав далее, словно не заметив навязчивой мухи – Панина; двое с улыбочкой отстранились, бросив что-то насчет ревнивых мужей; а одна даже провела с ним короткий диалог о моральных ценностях: «Вот так все вы, мужчины: жена только за порог, и вот он уже тут как тут, прохаживается, ищет приключений, строит из себя мальчика пятнадцатилетнего...» Словом – пожурили. Если бы Панин занимался этой ловлей рыбы вручную для собственного удовольствия, если бы ему было куда податься и если бы не задание, уже после этих нескольких поражений он бы припустил с этой улицы бегом, однако долг есть долг, и он продолжал корчить из себя клоуна и улыбаться хмурому дню и движущимся навстречу лицам.

10. Роботы, их заменители и молитвы

– Послушайте, Роб, – обратился к начальнику Центрального разведывательного управления Луи Саржевский, – мы с вами сейчас в маленьком коллективе имеющих отношение к делу людей. И я хочу узнать ваше мнение по поводу перспектив агентурной разведки там.

– Господи, Луи, мы ведь уже раскладывали все по косточкам, – скривился Роб Турбиц.

– И все-таки?

– О геополитической неопределенности мы все вволю наслушались у прошлого докладчика. Но я могу, конечно, кое-что добавить. К примеру, по поводу космонавтики. В отличие от названной области, там, в Мире-2, не вакуум, как в начале своей речи любезно доложил господин Эпштейн, потому там не требуются для поддержания жизни агента никакие сложные устройства. Роботизация же в настоящее время не дошла еще до уровня, когда в нормальных условиях механизм может хотя бы приблизительно сравниться с человеком. Да, разумеется, мы бы сумели отправить туда некую подслушивающую станцию, которая бы имела возможность фиксировать происходящее вокруг во всяких видах излучения, однако для получения свежей информации нам бы пришлось все время дергать ее туда-обратно. Да, для не слишком свежей можно было бы послать туда некоего технологического монстра с тысячей свободных ячеек памяти или видеокассет. Но, в первом случае, мы очень скоро вынуждены будем строить около центра передачи десятков электрических станций, лучше всего атомных, а во втором – информация потеряет оперативность. А кроме того, где гарантия, что нашу станцию не обнаружат и не начнут использовать ее для дезинформации, изучения или еще чего-нибудь? Для нейтрализации придется снабжать ее какими-то приборами самозащиты или самоликвидации, но диапазон вполне допустимых ситуаций невозможно перечислить, адекватно реагировать на них способна только достаточно разумная система – таковых в настоящее время ни одна страна мира еще не изобрела. А чтобы найти для нашей мифической машины безопасное и в то же время оптимальное для сбора информации место, все равно придется посылать впереди человека – единственный известный нам разумный вид. Так что будем реалистами. Конечно, использование агента не исключает и использование техники. Идеальное решение в нашем случае, как и в большинстве вообще, – это умелое сочетание обоих способов. Словом, агентурному отдается предпочтение. А кроме того, нам нужны еще и личные впечатления наблюдательного человека. Он, мы надеемся, увидит и ощутит то, что недоступно никакой машине. Пожалуй, это все. – Начальник ЦРУ замолчал.

– Подождите, Роб, – остановил его возвращение в ряды слушателей Саржевский, – а как насчет отдачи предпочтения российской стороне?

Роб Турбиц кивнул, соглашаясь с важностью заданного вопроса:

– В связи с указанными нашим уважаемым геополитиком факторами, от нас с вами не зависящими, тайны Мира-2 скорее всего находятся на другом полушарии Земли. Если уж посылать разведчика, так в самое логово потенциального врага. Конечно, можно было бы послать американца, но, учитывая предполагаемые «вредные» для жизни факторы, – никто не улыбнулся черному юмору, даже сам докладчик, – вероятность не обнаружить себя, а значит, не только выжить, но и добыть максимально возможное количество интересной информации, больше все-таки у русского и к тому же – москвича. Нам приходится с этим мириться, учитывая важность выполняемой работы. Наше счастье, что в настоящее время мы с Россией не в конфронтации.

– Послушайте, господин Турбиц, – спросил облаченный в гражданскую одежду командующий НОРАД, – существует или нет риск какого-то тайного контакта российского правительства нашего мира с тем?

– Наш генералитет, как всегда, на высоте – зрит в корень, – улыбнулся Роб Турбиц. – Но на сегодняшнем этапе все происходящее находится под контролем. Кроме того, ситуация покуда настолько неопределенная – допущение на допущении, что все-таки основывать отношения с союзником желательно на доверии. Понятно, таковые высказывания не соответствуют принципам разведки, однако мы слишком мало знаем о Мире-2. По сути, мы не знаем ничего. И единственное, что мы можем сделать для посланного в неведомое человека, это молиться за его везение. Возможно, Господь Бог един для обоих параллельных миров.

11. Адреналиновая бомба

– Милая девушка, – обратился он к очередной проходящей мимо москвичке, – а не хотите ли вы пройти со мною в кино?

И тогда она словно очнулась ото сна, вернулась на грешную землю, поднимая на него глаза. И она споткнулась – ноги потеряли ориентацию, надеясь на вырастающие распахивающиеся крылья, а он успел подхватить, бессознательно подставляя руку и немного нагибаясь – она не отличалась большими пропорциями.

– Спасибо, – сказала она, вновь приобретая вертикальную устойчивость. Но он не смел отпустить руку, хотя уже произносил «Пожалуйста». И его заготовленная, отработанная теоретически программа стерлась, сталкиваясь с подставленным шлагбаумом, давая полный скоротечный сбой шпаргалкам отработанных действий. И тогда их мечущиеся, не видя сканирующие местность, глаза снова состыковались, и краткосрочная память произвела перезапись на долговременное хранение и, более того, погнала голограмму-образ по кругу внутри электронного облака черепной коробки, выводя увиденное из конкретной временной календарной привязки, ставя его приоритетно выше над временем и пространством, эдакую реализовавшуюся мечту. Это была идеально сработавшая психофизиологическая ловушка, давным-давно изобретенная природой для млекопитающих и даже еще ранее, для их предков. Не дай бог попасть в этот силочек в одиночестве, иногда проще умереть, чем выпутаться, но те, кто проваливаются в эту пропасть на пару, обретают новую вселенную.

– Меня зовут Роман, – произнес он, краснея как рак.

– Очень приятно, а я – Аврора. – И она тоже залилась краской сверху донизу. Есть такая штука – адреналин.

И они уже шли рядом, и направление для них не имело значения – наше пространство анизотропно, если вы помните – все направления едины, а может, все дороги ведут в Рим?

12. Мелкий песок в Колесо Фортуны

Известно, что лишняя соломинка ломает хребет верблюду. В какой момент конкретно произошел перелом, когда мизерные рассогласования поступков исторических и не замеченных этой наукой личностей начали менять реальность – нельзя выявить, однако наметить временной период и очертить географический регион – вполне можно.

(Только возникает вопрос, не есть ли то, что свершилось там, более вероятной реальностью, а значит, более правдивой историей? Не слишком ли сильно случай подыгрывал Гитлеру? Не были ли все грани выбрасываемых им кубиков заполнены шестерками? Ведь сколько раз за два предшествующих года войны он прошел по лезвию случая и сколь долго ему еще должна была улыбаться удача? Да и остановил он экспансию в дальнейшем, только когда жернова удачи уже совсем сточились, а костяшки постирались от непрерывного антивероятного трения: мы же все-таки живем в реальном мире, и нельзя окончательно пренебрегать законами природы. Нельзя постоянно заглатывать добычу, большую хищника по объему, весу и потенциальной силе. А ведь он заглатывал!)

В ночь шестого апреля тысяча девятьсот сорок первого года немецкие войска вторглись в Югославию. Согласно первоначальному замыслу, вторжение осуществлялось с территории всех приграничных государств, кроме Греции, которая тоже подверглась агрессии. Тем не менее, несмотря на широту размаха: одновременные наступления из Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии, а также активизацию окопавшихся в Албании горе-союзников – итальянцев, наступление готовилось в спешке и не везде войска смогли действовать активно. Размеры трех югославских групп армий внушали уважение в количественном отношении: около миллиона двухсот тысяч солдат, если бы им еще и технику соответствующего уровня... Но и техника немцев на то время не являлась верхом совершенства. Их легкие танки «Т-1» имели всего два пулемета и столько же членов экипажа. Несмотря на мизерную для танка массу – менее пяти с половиной тонн, из-за слабого бензинового движка он не мог, даже в идеальных условиях, разогнаться до сорока километров в час, а вокруг была гористая местность. Коллега этого инженерного чуда – «Т-2» – был помощней, в полтора раза тяжелее, также некудышно бронирован – лишь от пуль, но зато имел двадцатимиллиметровую автоматическую пушку и, как-никак, сто восемьдесят снарядов в комплекте. Спасало превосходство в авиации – три к одному.

Через день 40-й механизированный корпус агрессоров, действующих в Македонии, провалился в глубь страны на пятьдесят километров. Уже через четыре дня немецкие части планировали войти в контакт с итальянцами, завязнувшими в Албании.

Грядущая потеря союзниками Югославии вела к неминуемой утрате Греции, потеря последней грозила теоретически возможной бомбардировкой (вряд ли захватом) Крита, это, в свою очередь, влекло утрату контроля над северо-восточной частью Средиземного моря и, по принципу домино, могло планомерно обернуться переходом пока нейтральной, находящейся в растерянности Турции на сторону Оси – из чего неизбежно вытекало грядущее полное вытеснение Англии из восточного Средиземноморья, прекращение подпитки ресурсами военного контингента в восточной Африке, сдача Египта, Суэцкого канала и черт знает чего еще. Пахло новой катастрофой, подобной скоростной потере Франции, когда пришлось изгалияться, топя в портах флот бывшего союзника. Как в детской сказочке про репку, все ухватывалось одно за другое и нужно было поторопиться, раскручивая эту логическую карусель в обратную сторону. Черчилль настаивал, описывая будущие кошмары в случае пассивности. Вначале, как всегда, рассчитывали переложить всю работу на других, но когда окончательно стало ясно, что от Штатов в ближайшее время активности не предвидится, решились действовать сами, тем паче что в северной Греции окопался собственный английский экспедиционный корпус – более

шестидесяти тысяч солдат и офицеров, как-то неудобно было снова повторять Дюнкерк. Из Александрии вышли транспорты с пополнением, а в Адриатическое и Эгейское моря внаглую вошли соединения Королевского флота.

13. Книжная витрина

Панин с интересом разглядывал книжную витрину. Авторы были представлены скупой, все больше революционные классики да «великие вожди и учителя». Обложки были солидные, без попугайной пестроты, привычной Панину по своему родному миру. Страницы и переплеты из качественной бумаги. Но брошюр тоже хватало. Все те же «учителя», но попадались и белле-тристика, обычно с похожими друг на друга комбайнами или танками. Встречались писатели-иностранцы. Те, что писали про танки, чаще были, судя по именам, с далеких периферий; все больше переводы с корейского, вьетнамского или банту. Панин подумал, что это явно свидетельствует о распространении революции вширь, даже без всяких выводов аналитиков. А вообще, выбор был слабый, но Панин уже знал, что многое распространяется по спецраспределителям. В том числе и книги. А если дают, то и берут. Ясный день, не по читательским интересам идет распределение. По табелям о рангах. У кого больше кресло – у того и библиотека шире. Здесь еще не грянула информационная революция: книги в электронном виде – дело далекого коммунистического будущего, об этом пишут фантасты ближнего прицела. Кстати, фантастики в магазине нет – никакой. Дефицит. Вот только объявление насчет подписки на полное собрание сочинений Казанцева. Нет, не свободное. Оказывается, для ветеранов войны. Принцип: «от каждого по способности, каждому по труду» соблюден. Для всех остальных – не ветеранов войн и труда – существуют общественные библиотеки с читальными залами.

14. Щебень в Колесо Фортуны

Седьмого апреля три английских линкора, прикрытые самолетами досрочно введенного в строй после повреждений, полученных десятого января, авианосца «Илластриес», с дистанции двадцать километров обстреляли порт Дуррес в Албании. Девять главных 406-миллиметровых калибров старичка-линкора «Нельсон» прошли по итальянским военным транспортам, разгружающим пополнение. Этот кошмар продолжался полтора часа. А пока крупные корабли вносили смутение на суше, два крейсера вышли навстречу транспорту, неосмотрительно появившемуся в зоне их огня в открытом море. Одного залпа хватило вполне. И хотя все английское соединение, популав противника, спешно развернулось к югу, унося ноги от предсказуемых действий германской авиации, итальянцы уже были в шоке.

Активность союзников вдохновила кое-кого из тех, кто уже опустил голову и сложил лапки, готовясь к неминуемому. Югославские силы безопасности положили в Загребе целый взвод, но смогли арестовать лидера усташей Кватерника. Эта, казалось бы, мизерная в мировом масштабе, акция сразу обезглавила хорватских фашистов. Более того, неизвестные лица, скорее всего разведывательная английская группа (подробности так и остались невыясненными) в упор расстреляла из автоматов тайно прибывшего в Югославию штандартенфюрера СС Везенмайера. И он не смог организовать добровольную сдачу Загреба, когда немецкие танки провалились к городу.

В Словении начальник штаба 1-й группы армий Рупник не осмелился послушаться приказа верховного командования об аресте самозванного национального совета, готовившего сдачу приграничной провинции без боя. Совет организовался не без помощи немецких спецслужб шестого апреля, в момент вторжения.

Чувствуя за спиной крепкий тыл, 1-я и 2-я группы югославских армий, прикрывающие западные границы, решили стоять насмерть. Попытка профашистских элементов 108-го пехотного полка захватить штаб 4-й армии поначалу удалась, однако уже через два часа их с боем выбили из Беловара. Арестованных командование группы армий спешно передало на попечение военного трибунала. Уже к утру несколько десятков предателей расстреляли и по радио передали приговор по всем вооруженным силам. Это резко охладило пыл всем подобным вылазкам на ближайшие несколько дней.

Однако силы были все еще слишком неравны, но югославская армия уже не бежала, а медленно отступала под напором авиации и танков. На пятый, шестой, седьмой день сопротивление на территории Словении и Хорватии все еще продолжалось. Там, в нашем мире, все это решилось на пятый. А здесь блицкриг терпел крах. Более того, после нового налета английской палубной авиации на Албанию (что имело совсем малую военную ценность – простая демонстрация солидарности) итальянские части завязли на границе, как и много месяцев назад, при первой попытке. Больше того, в некоторых местах югославы прорвали их фронт. Развить успех было нечем, но прецедент был налицо. В условиях затянувшейся войны югославское правительство продолжило проведение мобилизации – армия пополнялась.

Все происходящее прямым образом отразилось на защитных свойствах соседнего государства. В той, нашей, истории немецкие части, быстро вытеснив югославов с границ Македонии, смогли обойти греческую линию обороны и, обогнув Дойранское озеро, ударить в тыл греческой армии «Восточная Македония». Здесь, хотя немцы смогли взять Салоники девятого апреля, греческая армия, отрезанная от своих, все равно не капитулировала. А английский флот во главе с авианосцем «Формидебл» уже бомбил и расстреливал большими калибрами немецкие части из залива Термаикос. Учитывая это и то, что гораздо больше, чем намечено, сил завязло в югославской Македонии, гитлеровские войска поостереглись развивать наступление в глубь Греции. Кроме того, активность со стороны кораблей союзников потребовала

отвлечения значительного количества авиации 4-го воздушного флота, пришлось свести к минимуму демонстрационные бомбардировки крупных городов, так подавляюще действующие на психику атакуемых.

Отсутствие явной угрозы со стороны прорвавшейся в Грецию 12-й немецкой армии позволило не спеша организовать отход и закрепление на новой линии обороны, протянувшейся от горы Олимп на востоке до озера Бутринти на западе. Англо-греческие войска начали спешно окапываться. А в тылу, в греческих портах, уже разгружались английские военные транспорты с техникой и войсками. История поворачивала в новое русло, в пока еще не ясное направление. Немцы завязли. Гитлер был вынужден снять с восточного фронта готовые к бою части и бросить их в югославо-греческую мясорубку.

15. Открытый шпионаж

Панин сидел не где-нибудь, а в общественной библиотеке. Вот насколько он обнаглел и прижился в Москве-2 за последнее время. На входе он, как положено, предъявил паспорт, на самом деле не паспорт – копию, искусно созданную в лучшей лаборатории ФСБ по образцу, добытому накануне и заблаговременно переправленному в свою собственную Вселенную. Кроме паспорта, он предъявил такую же искусно имитированную книжицу кандидата наук, поскольку библиотека, в которой он заседал, была не просто средоточие бумажной мудрости, а святая святых всех прочих аналогичных хранилищ – это была Библиотека имени В. И. Ленина. Стоило ли для его мелких на сегодня целей использовать столь мощную штучковину? Абсолютно не стоило, и он, между прочим, это прекрасно понимал. Поскольку он всего лишь смотрел подшивку газет этого же года, все было равносильно использованию тяжелого орудия по воробьям. Наверное, ему просто хотелось проникнуть в одну из святынь этого мира, а может, просто сравнить свои ощущения, ведь там, у себя, он бывал в этом заведении. А вообще-то он, конечно, охамел. Кто мог знать наверняка, не ведут ли за каждым из читальных залов наблюдения специальные агенты неусыпного КГБ?

Что он искал в подшивках газет? Он искал упоминания о доблестных боях с обнаглевшим империализмом, о нарушениях территориальной целостности вод родного Тихого океана, о нотах протеста против притязаний пентагоновской военщины на исконно социалистические территории островов Науру или еще чего-либо подобного. Но ничего не было. Абсолютно ничего. На некоторое очень малое мгновение проскочила мысль, не есть ли этот мир не единственный параллельный, и не было ли вторжение произведено еще откуда-нибудь? Но разве его прерогатива была решать столь глобальные вопросы? Конечно, не его, и потом, с чего бы это надо было верить тому, что написано, то есть не написано в газетах под названием «Правда» или «Красная Звезда»? И не есть ли молчание как раз свидетельство о чем-то?

Сюда бы отдел Люка Безеля, о котором упоминал Ричард, или чего покруче, тоскливо размышлял Панин, листая бесчисленные страницы об успехах боевой и политической подготовки и укреплении братства дружественных армий Варшавско-Парижского договора, а также об эксплуатации негров и мексиканцев на заводах Дюпона и Моргана, повальной наркомании и кастовом делении в армии США, о воспитании ее в духе ненависти и неуважения к народам с иной культурой и жизненными принципами.

Так, сказал себе Панин, прикрывая очередную стопку подшивок, чем займемся теперь? Однако обучение на разведчика не прошло даром. Он давно знал, что в настоящее время основной пласт разведывательной информации добывается из анализа открытых источников, тем более от него и требовали общей картины, а не какой-то строгой конкретики. Будем думать, решил Панин, думать и думать. Многократный обмен ударами между флотами не привел к развязыванию новой мировой войны. Но это, понятно, – гипотеза академика Сулаева: поскольку системы находятся в постоянном неравновесном состоянии, они к нему привыкли, вызвать потоплением нескольких корабликов мировой пожар проблематично. Кстати, не такой уж это казус, присущий только этому миру. В нашу родненькую Вторую мировую никакая из сторон не решилась применить химическое оружие, хотя на разных этапах все стороны находились как в критическом, так и в безусловно доминирующем положении... Однако почему нет сообщений даже вскользь, даже искаженных и обработанных цензурой, ведь в стычках, безусловно, потонули суда огромного водоизмещения, перегибла куча военно-морского народу? Не свидетельствует ли это о том, что стороны, кроме всего, обменялись между собой секретными нотами и заподозрили не просто морские бои, а что-то принципиально новое, вмешательство иррациональных сил? А почему, собственно, нет? Хм, сказал себе Панин мысленно, а просмотрим мы что-нибудь на грани науки и фантастики, «Технику – молодежи» какую-нибудь или... (что еще

здесь бывает?). Кто мешает обнаружить на этих несерьезных страницах отображение нешуточной кулуарной дискуссии, рассказики легко-фантастические об иных мирах и измерениях, но с внезапными комментариями академика, например?

Панин, не покраснев, ощутил себя гением и рьяно приступил к исследованиям.

16. Скрип несмазанного Колеса

Только 30 апреля немецкие войска смогли полностью разбить югославскую армию и начать перераспределять силы для помощи завязшим в Греции частям вермахта. Однако английский экспедиционный корпус держался стойко. Только 10 мая фронт греков был прорван. 13-го два английских линкора в Эгейском море потоплены переброшенными с Балтики торпедоносцами.

Это было отрезвляющим ударом. Англичане поняли, в какую кутерьму они ввязались. Черчилль, принявший самое активное участие в организации авантюры, едва не лишился своего места. Теперь транспорты спешно сгружали технику, освобождаясь для загрузки собственной пехотой. Только накануне усиленный экспедиционный корпус получил команду на отход.

Поняв, что остается с врагом один на один, премьер-министр Греции Коризис 18 мая покончил жизнь самоубийством. В нашем мире это случилось месяцем раньше. Премьер явно отличался паническим характером или, может быть, в этом он видел свою судьбу. Однако греческий генералитет решил продолжать войну. Генералу Папагосу пришлось солидно поворачиваться, подписывая приказы о смещении некоторых командиров соединений, не желающих сражаться с оккупантами.

Экспедиционный корпус медленно отходил. Не удалась и попытка немцев хитро обойти новый рубеж обороны греков. Там, в нашем мире, они спокойно переправились на остров Эвбея, быстрым маршем прошли по нему за линию обороны и, вновь переправившись на материк, отрезали от своих кучу греческих частей. Здесь авиация с «Илластриеса» и «Формидебла» потопила три немецких парома. Переправа сорвалась. Немцы снова теряли время, а ведь впереди их ждали большие дела. Однако и англичанам, стремящимся любой ценой помочь спокойному отходу и эвакуации своих, пришлось не сладко. Пошел ко дну «Илластриес» вместе с половиной экипажа. Не спасли его шестнадцать 114-миллиметровых зенитных орудий и даже истребители.

Только 28 мая воздушный десант смог обосноваться в Коринфе, и лишь 2 июня немцы смогли захватить Афины. Когда 4 июня передовые немецкие части достигли оконечности Пелопоннеса, основная масса английского десанта успела эвакуироваться.

Господство на Балканах было достигнуто большой ценой (по европейским нормам): немцы потеряли убитыми двадцать пять тысяч человек, вдвое больше было раненых и пропавших без вести. И хотя потери греков, югославов и англичан были намного больше, это мало успокаивало. Не была ли это пиррова победа? Гитлер совсем не радовался, был в неистовстве: в течение этих двух месяцев он снимал и перемещал генералов с места на место. Теперь он впал в меланхолию – было от чего. Все планы летели к черту. Начало операции «Барбаросса» пришлось перенести на целый месяц. А сейчас требовалось заняться Кипром, наказать этих наглых островитян Альбиона за вмешательство в дела материков. Да еще нужно было изыскать резервы для пополнения военных потерь.

Эшелоны снова пошли на восток, возвращаясь к советской границе.

17. Глубокие подземные заплывы

Первое, на что наткнулся Панин, было большущей повестью. Он не читал ее подробно, лишь просмотрел. То, что она не имеет отношения к его поискам, он уловил сразу. В ней говорилось о том, что подлые империалисты и милитаристы изобрели очередное оружейное чудо, на этот раз оно включало в себя подземную лодку, которая могла сама собою быстро вкапываться в грунт почти до глубины мантии и оттуда совершать далекие трансконтинентальные рейсы. В багажнике у нее, как водится, полоумные агрессоры поместили подземную мину-сюрприз для Москвы и ее окрестностей. Недалекие умами супостаты, конечно, не предполагали, что наши доблестные мирные граждане, объединив усилия с мудрыми учеными-созидателями, давно изобрели подобные «земле-лодки» и теперь смело рассекают на них кору планеты в поисках скелетов динозавров, а также алмазов и янтарных комнат. В процессе своего неспешного подкопа под столицу коммунизма бесчувственные буржуи дискусируют о преимуществах «свободного мира», и из этих жалких разговоров сразу становится ясна их звериная сущность и закольцованный интеллект. Завершилось все, как водится, хорошо для мирных тружеников, спокойно спящих в светлых, открытых солнцу домах на поверхности счастливой страны, а вот мерзкие бомбовозчики едва не загнулись. Конечно, их подвела хваленая западная наука. Отказал стартер, а может, еще какая-то важная запчасть. И, разумеется, на борту не выявилось ни одного грамотного специалиста-техника, что сразу с головой разоблачило преступно-халатное отношение эксплуататорских классов к образованию и просвещению. Так бы и померли неудачливые террористы от голода, потому как, ко всему прочему, не оказалось на «земле-лодке» достаточных запасов апельсинового сока и сухого пайка, но тут в борт их внезапно постучали. Да, это были славные землепроходцы славянского происхождения – они просто нечаянно плыли поблизости, роя очередную ветку метро до Хабаровска, и тут услышали разлагающе-вредные споры пленников западной технологии и, конечно, не могли не вмешаться. О, как были посрамлены буржуазные «мыслители», когда помощь им оказали презируемые ими нации.

Да, подумал Панин, литературная премия за столь изысканный сюжет гарантирована. Однако он отвлекся, а нужно было искать что-нибудь о других измерениях.

18. А крысы бегут

– Товарищ Сталин, служащие германского посольства в Москве, разумеется под видом отпуска, массово покидают нашу страну. Кроме того, из посольства вывозятся наличные ценности и документация. Расположенные при посольстве печи для сжигания мусора, точнее секретной литературы, пускают дым днем и ночью без перерыва.

– О чем это говорит, товарищ Голиков?

– С учетом других, ранее доложенных вам фактов это может свидетельствовать о готовящемся на нашу страну нападении, или же... Можно ли говорить далее, товарищ Сталин?

– Правильно, не нужно, товарищ Голиков. Вы хотели сказать, что наш партнер, с которым заключен Пакт о ненападении, раскрыл наши планы?

– Именно так, товарищ Сталин.

– Что у вас еще?

– Пока все, товарищ Сталин.

– До свидания, товарищ генерал-лейтенант.

– До свидания, товарищ Сталин.

И ровно через минуту:

– Соедините со мной командующего флотом.

– Доброе утро, товарищ Сталин. Слушаю вас.

– Здравствуйтесь, товарищ Кузнецов. Как идут приготовления?

– С воодушевлением и с перевыполнением плана, товарищ Сталин.

– А как доблестному флоту помогает наша славная промышленность?

– Наркоматы делают все возможное и невозможное для снабжения флота Балтийского и северных морей.

– Вот как раз касательно Балтийского флота я и хотел кое-что уточнить.

– Слушаю, товарищ Сталин.

– В ближайшие часы из порта Ленинграда выйдет пассажирский пароход с членами посольства Германии. До начала нашего плана осталось двое суток, успеет ли за это время данный пароход достигнуть немецких портов?

– Думаю, нет, товарищ Сталин, не успеет, если, конечно, не брать в расчет Восточную Пруссию.

– Правильно, не стоит, товарищ Кузнецов, для Пруссии у нас имеются «КВ-2». И все же считаю, крыс, которые бегут с корабля, не нужно сильно беречь.

– Понял вас, товарищ Сталин. Тем не менее необходимо учесть – подводные лодки будут у нас очень загружены работой. Как ваше мнение насчет использования крейсера «Киров», тем более что экипажу не следует отказывать в возможности попрактиковаться в стрельбе по крупной надводной цели.

– Не есть ли применение одного из наших лучших кораблей в данном случае излишество, не соответствующее моменту, а, товарищ Кузнецов?

– Вы правы, товарищ Сталин, пушка по воробьям – не наш метод. Да и лишнее заблаговременное движение большой боевой единицы может насторожить тех, кого не надо. Для задания хватит торпедных катеров понравившейся вам марки «Д-3».

– Правильно учитываете партийную критику, товарищ Кузнецов. Торпедных катеров у нас, как помнится, триста десять штук...

– Верно, товарищ Сталин.

– ...и отвлечение двух-четырех для специального задания не ослабит правый фланг сухопутных армий. Так, товарищ Кузнецов?

– Конечно, товарищ Сталин.

Часть третья

СЛОИСТЫЙ ПУЗЫРЬ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

*И от ветра с востока пригнулись стога,
Жметя к скалам отара.
Ось земную мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.
Не ругайтесь, когда не на месте закат,
Судный день – это сказки для старших.
Просто Землю вращают, куда захотят,
Наши сменные роты на марше.*

Владимир Высоцкий

1. Воскресенье, тринадцатое июля

Нет, не в пятницу тринадцатого, а тринадцатого в воскресенье, ранним утречком тысяча девятьсот сорок первого года, зависнувшее в неопределенности событие сдвинулось. Для большинства несведущих и лишенных политического чутья это явилось неожиданностью, они не видели и не ощутили ранее, как нарастающий ком причин спрессованной лавины будущего тихонечко прокатился по ним, взбираясь в свою верхнюю точку, эдакая скромная комета, подкрадывающаяся к Солнцу, чтобы рвануть вокруг него, распушивая хвост, перечеркивающий небо. Но для сколь многих это событие явилось апофеозом ожидания, мгновением счастья, когда можно было победно оглянуться вокруг и сказать: «Вот видите, что я знал? Понимаете, к чему готовился сам и вас, неразумных, неоперившихся, готовил? А смогли бы вы так, знать об этом и не сказать, не намекнуть?» Да, только за счастье такого момента не жалко жизнь положить. Ведь дождались, смогли сохранить в секрете, не помешало ничто, обманули судьбу-злодейку. Мгновенный сброс многомесячного напряжения: выстрел катапульты, на которую намотаны, навиты вместо конского волоса собственные нервы, завязанные узлами, взведенные так загоя, так далеко, утончившиеся до паутинок и вот-вот готовые порваться, взвизгнуть лопнувшими струнами, и тогда все зазря. Уж нам-то это знакомо, и совсем не теоретически. Это у нас, а не у них топор рубанул по взведенной баллисте... Помните, когда застонала она, не сумев выстрелить, рубя собственными полопавшимися, рассеченными нервами по своим; уронив едва подпрыгнувшее заряженное заранее ядро на себя и разламываясь под его тяжестью на части? Помните? Тысячи тысяч растерянных пленных, с оружием сдавшихся на границе; летчиков, кусающих локти и плачущих возле верениц пылающих стогами самолетов, – как много их было, крыло у крыла; танкистов, напрасно мечущихся по станции в ожидании своих танков, так старательно закрепленных на платформах там, за тысячу километров и недель отсюда, – и так и не дожидаться, и так и не узнать им, как ткнулись, тормознули эти платформы в развороченные бомбой рельсы и совсем, совсем недалеко, если бы знать – пешком, пехом дойти... Помните? Командиров с серыми лицами, кусающих губы перед распахнутыми распечатанными сейфами и жгущих секретные приказы, потому что нельзя их теперь выполнить, и нельзя оставить, потому что это – оправдание, полное-полное оправдание-алиби для тех счастливых, чьи танковые клинья обходят справа и слева, и надо успеть сжечь, а потом уже спокойно, в суматохе, геройски умирать, потому что нет смысла жить, потерпев такое фиаско, однозначно умирать, потому что нет даже окопов и некогда их рыть, а значит, умирать еще и из солидарности с подчиненными, и потому плен не страшен – все одно... Помните? Двадцать второе июня, четыре часа утра? Когда бомбардировщики накрыли сверху истребители и летающие

тягачи, и остались двадцатиместные планеры и растерянные десантники возле них, и другие десантники, испытанные парни, не раз и не два игравшие со смертью и высотой в прятки, а теперь смахивающие слезы, потому что надо было бросать, резать напоследок, дабы врагу не достались, бесценные только вчера и только намеренно заботливо уложенные парашюты, и снова уходить пехом, да не просто пехом, а без карты, по компасу, потому что есть карта, да не той она местности, насмешка она теперь, анекдот, а не карта, и сжечь ее надо за ненужностью... Помните? А потом... Вставайте, братья, снаряды есть, да бойцы убиты! Только нет даже снарядов, у буржуинов они уже, вместе с вареньем, и печеньем, и землицей родной.

Если помните, тогда вам понятна не только грандиозность, но и душа момента. Вдоль гигантской границы, переставшей быть таковой и ставшей теперь фронтом, от моря Черного и до моря Балтийского, всколыхнулось титаническое движение, и рванулась лавина по воздуху, по воде и по суше. Около трехсот дивизий, более пяти миллионов солдат и офицеров, и это только в первой волне, волне, которая заслонила встающее позади солнце. И все до наоборот – зеркальная копия. И горят самолеты, только других марок; и режут охрану у мостов рослые бесшумные ребята-десантники; и ловятся на мины кораблики на выходе из собственного порта, и бесстрастно любят на это глаза-перископы «Щук»; и планеры заходят на отмеченные кострами поляны; и маленькие кораблики Дунайской флотилии тархтят дизелями, глуша собственные пулеметы, и прут, прут вверх против течения; и десятки тысяч снарядов в каждом залпе вдоль всей линии.

Только все перемешалось еще интереснее. Помните, как в песне: «В эту ночь решили самураи перейти границу у реки... Но разведка доложила точно...» Что там в строчках раньше забылось, а уж как в действительности, кто кого на минуты опередил – не разобрать. Только одновременно все началось. Две гигантские армии поднялись, желая то ли опередить, то ли воскресенье рассветное им обоим очень нравилось, да только столкнулись они в движении. Две лавины – лоб в лоб. Как по свистку судьи – все предельно честно, хотя каждый хотел сделать сюрприз. Да только теперь, поскольку каждый не успел ударить спящего в челюсть, бой решала сила. Как могло случиться такое совпадение? А почему нас меньше удивляет совпадение желаний? Две агрессивные армии, умеющие нападать и покуда не умеющие и не обученные обороняться, обязаны были произвести агрессию летом, а закончить осенью. Зимой тоже можно воевать, но Финляндия показала, как тяжело это дается и какой кровью платится. Если есть выбор, лучше летом, зима время тяжелое, сколько себя помню, а самое сложное ежегодное мероприятие в Советском Союзе – «Подготовка к зиме». Лучше нападать ночью, еще лучше в воскресенье – максимальный эффект внезапности, бесплатное подкрепление, как экономия электроэнергии со сдвигом времени на час, раз в полугодие: забот – будильник перевести, а прибыль в большом масштабе – налицо. Сколько воскресений на лето приходится? Число двузначное, но не слишком велико. В жизни случаются и не такие совпадения. А может, опомнились по ту сторону в последний момент, послушались разведчиков, поверили и решили упредить, да только не вышло в этом мире, события предшествующие подзадержали.

И столкнулись лоб в лоб, лбы железные бронетанковые. Только у одних танки были помощней, потяжелей и помногочисленней. Да, четыре танковые группы немцев кое-где провалились, подрезая коммуникации, но ведь в них было всего четыре тысячи бронеединиц, а вот их собственные пути снабжения подкопали двадцать тысяч танков, и каких. И ведь для наступления танковым группам нужна была авиаразведка, а как ее вести, если вокруг истребители врага. А самое главное, отсюда наступают широко – от моря до моря, а навстречу лишь от Балтийского до Карпат. Проигрышный вариант только поэтому.

2. Шпионская романтика

Панин ехал в троллейбусе. Он сумел забраться в его нутро после некоторой борьбы плечами с себе подобными. Такова уж была ежедневная судьба жителей больших советских городов. По одежде и внешнему виду Панин ничем не отличался от окружающих его обычных обывателей, торопящихся на смену в родные цеха. На самом деле его одежда была безусловно новее, чем у всех присутствующих, однако так же произведенная на фабрике «Красный большевик» или на ей подобных, но после долгих стараний ему удалось привести свое пальто и брюки в состояние некоторой искусственно ускоренной старости. В общем, он прекрасно вписывался в окружающую толпу, более того, он выглядел даже хуже. Но эта намеренная неряшливость тоже была запланирована – он хотел походить не на какого-нибудь современного, одухотворенного социалистической индустрией рабочего или потрепанного жизнью инженера, вовсе нет. Он хотел уподобиться колхозному крестьянству, выбравшемуся в город за вареной колбасой.

С собой у него действительно имелась вареная колбаса в количестве двух намеренно купленных килограммов и сосиски, приобретенные после долгого стояния в очереди, так как Панин, не будучи заслуженным членом партии, воином-интернационалистом и прочим почетным населением, не имел права на спецобслуживание. Понятное дело, сосиски и прочие достижения мясомолочной промышленности являлись маскировкой. Там, под ними, покоилась очередная часть микроэлектронного достижения вселенной разведчика Панина. Это был самый тяжелый узел – блок питания. Неделю назад Панин присмотрел достойное местечко и все последующие дни пронаблюдал его, дабы убедиться, что вблизи не ведутся какие-нибудь секретные работы, не расположены дачи партийно-военной номенклатуры и не происходят прочие долгопериодические события, могущие в дальнейшем свести его работу на «нет».

А два дня назад Панин произвел конкретную подготовку места для установки оборудования. Он сделал почти ювелирную работу, которую для тренировки осуществил дважды, еще там, на истинной Земле, конечно, оба раза понарошку. Он выдолбил в старом, но не гнилом пеньке огромную полость, однако так, что она могла маскироваться съёмным куском древесины. Немногие требования, которые предъявлялись к пеньку, заключались в его расположении на возвышенности и в удаленности от Москвы не более чем на пять километров. Панин не знал, сколько стоит оборудование, переправленное им сюда, но догадывался, что цифры включают в себя много нулей в любой валюте.

Разделенное на три части устройство, после того как будет собрано и приведено в действие, станет способно фиксировать, производить первичный анализ и избирательно записывать радиотелефонные разговоры в радиусе двадцати-тридцати километров, а идущие по незащищенным проводам – в пределах пяти, кроме того, оно будет фиксировать высокочастотные сигналы локаторов, случайно бросившие в его сторону «взгляд». Разговорчивые пилоты, попавшие в его зону действия, будут также сохранены для истории, хотя бы на аудиокассете. Но особое пристрастие этот напичканный «умной» техникой «пенек» будет питать ко всяким шифрованным радиопередачам. Нет, он не будет заниматься их дешифровкой, этим займутся эксперты, но их полную запись он произведет обязательно. Именно с последней функцией – записью у товарища Панина впоследствии будет больше всего мороки, если, конечно, он умудрится благополучно довести до места составные части устройства и успешно пустить его в ход. Тогда его главной обязанностью будет доставка на место чистых кассет, новых блоков питания, а обратным ходом – извлечение и отправка в истинное Подмоскovie заполненных информацией контейнеров. И нужно будет продумать схему своих маршрутов, возможно, сделать липовую «прописку» на какой-нибудь ближайшей ферме или в строительном управлении. В общем, дел у него было еще по горло.

А народ вокруг вершил сооружение нового мира, не подозревая о том, что в его среде находится шпион-террорист, да еще к тому же – инопланетянин. Некоторые, правда, не по злому умыслу, наступали ему на ногу либо цепляли локтем в своем движении к светлому будущему двадцать второго века, раз уж в двадцать первом куда ничего не удастся, однако Панин терпел, стойко сносил тяготы – такова была его шпионская судьба. Направлялся он к вокзалу на пригородную электричку, так же, как и троллейбус забитую под завязку. Пожалуй, общественный транспорт в социалистическом мире был не слишком комфортен, но если честно, и там, в оставленной за «завесой» Москве, он не был лучше. Зато этот был крайне дешев. Вот сейчас, в троллейбусе, Панин заплатил десять копеек. Когда-то, говорят, было четыре. Вполне возможно. Значит, инфляция существовала и здесь, в царстве освобожденного труда. Все эти окружающие мелочи Панин фиксировал, вечерами прокручивал у себя в голове для тренировки памяти и еще потому, что при возвращениях из командировок он все это тщательно пересказывал экспертам. На то они и были специалисты, дабы добывать из обыденных мелочей зерна истины, а может, выращивать из мух слонов. Ну, так это уже их проблемы.

И Панин ехал, осматривая сквозь грязное, полупрозрачное стекло неродную, но так похожую на настоящую, Москву.

3. Дичь

Это была уже не война, это было избиение, а как вы еще изволите это назвать?

Теперь после успешного прорыва стратегического эшелона фрицев у приграничной полосы некоторые русские танковые патрули вышли на свободную охоту. На каждом советском среднем танке имелаась радиостанция, и они могли принимать депеши от господствующей в воздухе авиации, вот как раз сейчас они получили послание.

– Поднажмем, братва! – заорал командир взвода во все горло, стремясь перекрычать дизель мощностью в полтысячи лошадок.

Однако его прекрасно слышали в наушниках те, кому надо, и два «Т-34» поскакали вперед по пересеченной местности, забирая вправо, чтобы обогнуть лесок. Им потребовалось десять минут, и когда они выскочили на холмик, возвышающийся над люком офицеры поняли, что попали куда следует. Несколько озадачило число фашисткой бронетехники: даже посчитать трудно. Это были «Т-1», чудесное достижение Третьего рейха, чем-то они, если смотреть с исторической перспективы, напоминали «Фау-1», то ли своим примитивизмом в сравнении с «Фау-2», то ли способностью простреливаться крупнокалиберной пулей. Куда направлялась эта танковая банда, было неясно, скорей всего драпала, а может, и наступала: лишившись авиации и штабов, немецкие танковые группы полностью дезориентировались. Неясно было, куда они собирались убежать на столь медлительных машинах, да и запас хода у них был всего полторы сотни километров. Наивные ребята, тут вам не окрестности Парижа весной сорокового, подумал командир взвода, задраивая люк. То ли танкисты не успели получить исторический приказ фюрера о запрете вступать в открытое столкновение с советскими танками, то ли их вдохновило свое численное преимущество, только они не свернули, а шли как шли. А навстречу им уже свистели 76-миллиметровые снарядики: убийственная мощь для их менее чем полусантиметрового клепаного бронирования. Но и в сторону «тридцатьчетверок» полоскали пулеметы, но им-то что? На броне переднего красавца-харьковчанина выбила густую глушащую дробь автоматическая «КвК-30», но запас снарядов у «Т-2» всего сто восемьдесят штук – даже вмятин приличных не осталось – смешно! Велик рейх, а отступать некуда. А полновесные калибры уже дырявили передовые «Т-1». И визжали, разматываясь, гусеницы, разбрасывая звенья. И слетали пулеметные башни, словно срубленные заточенным клинком головы. Так ведь и головы тоже. А пехота уже сыпалась врассыпную, хотя конкретно ею никто не желал покуда заниматься: так, ловился кто-то под гусеницы. Иногда под них попадались и танки: соотношение масс было один к пяти, поэтому «Т-1» кувыркались, словно гоночные автомобили, потерявшие управление. И уже командиры теряли счет поверженных врагов, а бой был в разгаре: нельзя было дать им уйти – лови потом по лесам-полям, да и опасны они оставались для движущейся плотным строем пехоты, осуществляющей освободительный поход.

Какие-то фашистские ловкачи умудрились вскарабкаться на советскую броню – это была просто наглость. Они еще стучали по люку, видимо, требовали капитуляции, а может, пощады вымаливали – недосуг было разбираться.

– Второй, – попросил по радио командир взвода, – стряхни с меня этих гадов.

– Тормозни на секунду, никуда остальные не денутся, – попросил «второй».

Он подкатился к напарнику и долгой пулеметной очередью полил соседа. Вблизи было неприятно: это же не по железу, по людям в упор. Да еще на собственной советской башне: кровь, осколки костей, мозги, жуть!

А фрицы, воспользовавшись заминкой, уже драпали. Пришлось остановиться для более точной стрельбы. Можно было и догнать: скоростные показатели позволяли. Никто не ушел, по крайней мере из танков.

Из выпущенных Германией 1500 штук «Т-1» двадцать шесть полегло здесь. Трудно было сказать, кто из двух экипажей положил больше, но свои люди, как-нибудь разберемся. Сколько еще впереди. Эх, дороги военные!

4. Шпионские беседы

– Не пойму я, бабушка, вас, – спросил Панин без притворства, – как же мог быть голод в сорок втором?

– Так война же, милоч, – посмотрела на него старушенция с удивлением.

– Но так ведь не на нашей же территории, бабушка, или я чего-то не понимаю?

– Еще бы на нашей, кто же пустил бы сюда этих окаянных?

– И сильный голод был?

– Я, дорогой, тогда маленькой была, но помню. Вот помню, что отец мой покойный ходил есть в специальную закрепленную за управленцами столовую. Там их кормили – будь здоров. Честный он у нас был. Мы тут с матерью крохи последние с хлебной порции подбирали, а он не мог ничего принести оттуда, не положено, видите ли. Мать уж слепнуть начала от недоедания; братишка, царство ему небесное, прыщей своих корку засохшую сковыривал и жевал. Потом мать уговорила батю – стал брать сына с собой на обед, делил с ним порцию поровну, а мы с мамой смогли его хлебный брикетик лопать. Как я тогда брату завидовала. Залезу на окно и плачу, говорю маме: «Папка меня не любит, он только Павлика любит!» И мама плачет со мной, не знает, что сказать. Такое было время. – Старуха устала перед собой, погрузившись взглядом во внутреннее пространство, сквозь годы и пласты памяти.

«Неужели она правда так стара? – раздумывал Панин. – Неужто помнит эту неизвестную нам Вторую мировую?» Старуха представляла собой историческую ценность, стоило потратить время и поговорить с ней еще о тех далеких событиях. Он даже увлекся. Он даже несколько потерял бдительность. А ведь вокруг был мир, реальный, хоть и параллельно расположенный, сложный, живой и опасный для пришельца.

Милиционера Панин заметил, когда тот был совсем рядом, он оказался так близко, что даже, наверное, слышал обрывок их милой беседы.

– Сержант Лазарев, московская милиция, – представился он, козырнув и глядя на Панина очень внимательными, прищуренными глазами. – Прошу предъявить документы! И вас, гражданочка, тоже!

– Так я же здесь, милоч, живу, дома у меня паспорт, квартира «пять», кого хочешь спроси, – раскраснелась старушка.

Панин полез в карман, между делом изучая окрестности в поисках остальной московской милиции. Но город был велик, нужно было бдить во всех районах – в визуально наблюдаемой местности хватало сержанта Лазарева.

– Я здесь по служебному делу, сержант, – переходя на полусшепот сообщил Панин. – Вы своим появлением можете нарушить план нашей операции.

– Какой еще операции? – так же сбавляя тон, спросил сержант. Рука у него уже трогала кобур.

– Отойдемте-ка, Лазарев, в сторонку, – посоветовал Панин, извлекая из кармана какую-то красную корочку и тут же пряча ее назад.

– Покажите, покажите документ! – снова потребовал милиционер, но все же шагнул за Паниным в сторону подъезда.

Они сделали еще несколько шагов, но кобур уже был расстегнут, и скоро силы могли стать не равны. И пришлось делать все при свете дня, на виду у окон и бабушки-ветерана, а не тусклой безжизненности подъезда.

Руки Панина совершили несколько быстрых, неуловимых движений, и сержант Лазарев осел, просыпался вниз, подобно внутренностям освобождаемого от груза мешка. Панин успел подхватить его до падения и живенько доволочь до входной двери. Бабушка открыла рот от удивления, а Панин, загородившись дверью, уже шарил по карманам нейтрализованного пра-

возаконника. Он нашел документы там, где и планировал, около сердца во внутреннем кармане. Очень хотелось прихватить и пистолет, но, скорее всего, это было бы лишнее.

– Вызовите милицию! – скомандовал он бабушке, пролетая мимо. – И «Скорую помощь», «Скорую помощь» не забудьте.

А ноги уже уплотняли секунды, сводя пространство и время к единому знаменателю. Прав был Эйнштейн, что ни говорите.

5. Традиции

«Кавалерийская дивизия имени Григория Ивановича Котовского» – вот как это называлось по-официальному. Ну а для немцев это была лютая смерть. Она прошла с боями всю Румынию, Венгрию, Чехословакию и Польшу, а теперь на пути ее лежала сердцевина Германии. Вам смешно? Кто же воюет конями в двадцатом веке, в веке машин и роящихся покуда только в мозговитых головах безумцев управляемых атомных реакций? Однако идет своим чередом осень сорок первого года, и совсем недавно в большинстве армий мира присутствовала конница. Просто теперь нет уже этих стран как самостоятельных образований. Да еще, конечно, ни одна из них не имела столько конных дивизий, как СССР, ну что ж, и от тайги до британских морей...

Вам все равно смешно? Над вашей макушкой никогда не свистела острая металлическая штукovina, называемая саблей? А неслась ли на вас когда-нибудь тысяча пышущих паром, взмыленных галопом лошадей, с людьми на спинах? И видели ли вы, сквозь неожиданно возникающее марево, перекошенные жестокостью лица этой тысячи всадников? Да, конечно, не видели, ибо тот, кто такое наблюдал, обычно уже не мог передать по наследству свои впечатления.

Понятно, что пулемет, а может, десяток пулеметов, установленных заблаговременно в нужном направлении, снаряженных под завязку и снабженных прикованными цепями расчетами, могли бы остановить эту лавину. Возможно, могли бы. И не в том дело, что, кроме шашек, у конников, понятное дело, в наличии «ППШ» и косят они очередями, не выскакивая из седел. А дело в том, что направление атаки выбирается заблаговременно и само время назначается наступающей стороной, потому как это, конечно, конное воинство, но нового социального строя, и есть у них авиация, которая выдает координаты, а часто и поддерживает сверху предварительным бомбометанием.

А еще надо не забывать, что воюет эта Красная дивизия с людьми, а люди существа живые и потому не окончательно предсказуемы, но тем не менее программируемы предварительной психической обработкой. И чем дальше уходила дивизия имени Г. И. Котовского от родной границы, тем сильнее впереди нее расходилась кругами паника. А потому, если где-то вырезала дивизия тысячу, то выплескивалась молва о десяти тысячах, а через некоторое время само число боев начинало в разговорах удваиваться и утраиваться, а когда числа вымышленные затирали окончательно реальные, тогда уже алгебра количества погибших начинала жить своей жизнью и, умножаясь и делясь, уносилась ввысь геометрической прогрессией. И когда просачивался среди фрицев слух, что где-то снова прорвали фронт, все сразу очень сильно интересовались, на том ли участке находится сейчас дивизия имени Котовского, и если оказывалось, что на том, – серели лица и расширялись глаза.

Так что не смейтесь, жива еще конница и даже очень необходима!

6. Аллюр

В том грохоте, глушащем звуки даже на расстоянии километров, можно не слишком таиться. Можно, отгибая встречную сухую ветвь, неожиданно сломать ее, и ничего не случится. Можно говорить в голос с едущим позади товарищем и не прерывать лошадиное ржание, которое ты чувствуешь заблаговременно по вскинутой вверх такой родной и огромной морде, не наклоняться при этом, прислоняясь к теплему уху, и не предупреждать будущее спокойным шепотом: «Тихо, тихо, Огонек, молчи – всякая сволочь вокруг бродит», поглаживая под большущим черным глазом свободной ладонью. Много можно, только нельзя забывать внимательно вглядываться вперед, в стороны, да и назад тоже, а еще вслушиваться, сквозь дальний шум танковых пушек, селектируя звуковую какофонию доставшегося нам мира – нельзя допустить, чтобы где-то поблизости клацнул незамеченным пулеметный затвор или раздалась беспорядочная нерусская речь в командной тональности. Слишком мало их в этом рейде-разъезде, и негоже растрчивать лошадей и товарищей в бессмысленных маленьких боях – у них впереди жирная, славная своей значимостью цель. И надо дойти без потерь, потому как неизвестно точно, сколько они там положат этих самых товарищей и тех же самых лошадок. И хочется скакать в галоп, ускоряя развязку, какой бы она ни была, потому как вон она – цель путешествия и кровавой охоты на людишек, периодически выдает себя ударами по перепонкам, солидными такими ударами, будто в самое ухо просовывают исправный Царь-колокол. Но нужно ехать не торопясь, с опаской, не угодить в засаду и беречь копящееся конское напряжение для грядущего стремительного броска.

– Давай я пойду вперед, Ренат, – предлагает скачущий вторым Сережа Лоза.

– Не стоит, Серый, – без улыбки улыбается Джумахунов. – В следующий раз.

А какая, к черту, разница, размышляет он про себя, если впереди, в засаде, «МГ-34», на две сошки поставленный, то первый ты или второй – разница невелика – всех положат, как оловянных солдатиков. Были у него когда-то в другой жизни, в неизмеримо далеком, как звезды, Бишкеке такие солдатики. Он не помнил, откуда они у него появились, кто из взрослых купил их или выменял на что-нибудь, может, они присутствовали в их маленьком домике с самого рождения. Зато он помнил их всех – всех своих оловянных воинов. А еще старый дедуля-аксакал из соседнего дома, почему-то не имеющий ни детей, ни внуков, ни даже жены, преподнес ему однажды вырезанных из дерева малюсеньких конников. Он понятия не имел до этого, что старик такой мастер. И вот тогда, наверное, все и началось, мыслил далее Джумахунов, улетаая частью сознания в неизмеримые глубины или выси памяти. Теперь эта явившаяся неизвестно откуда конница всегда и неизменно решала исход производимых на глиняном полу боев в пользу того отряда, за который сражалась, она всегда сваливалась на врагов как снег на голову, прячась за старой тумбочкой или за свернутым рулоном верблюжьим одеялом. Вот, может, с того момента все и вытекло, продолжает рассуждения Джумахунов. Доигрался. Он снова улыбается без улыбки. А еще он продолжает вслушиваться по привычке к грохоту канонады ушами в обманчивую ближнюю тишину.

– А мы точно сможем подойти к ним, не выходя из леса, Ренат? – в который раз интересуется Сережа Лоза.

И Джумахунов отвечает, что да, сможем. Он знает, что его конкретный ответ абсолютно не требуется, Лоза сам прекрасно видел карту и изучал самолетные фотоснимки. Просто перед боем Лоза всегда волнуется, как ребенок, и этими наивными вопросами он хоть частично сбрасывает напряжение. Наверное, Лозе очень хочется для разрядки запеть свои жалостные украинские песни, но сейчас не время и не место. И еще Джумахунов знает, тысячу раз подтверждалось практикой, что когда они ринутся в последнем броске, громче всех «ура!» будет литься из луженой глотки Сергея, и будет он красив и страшен, как шайтан, и не понадобятся ему

никакие отвлекающие разговоры-примочки. Просто Сережа Лоза не может, подобно Джумахунову, раздваиваться, находясь одновременно там, в старом Бишкеке, теперь именуемом по-новому – Фрунзе, или где угодно еще, и здесь, в разросшемся в лес кустарнике южной Германии. Наверное, он забывает, как забывал маленький, увлеченный игрушечным боем Ренат, играя за противную сторону, что там, за скатанным одеялом, таится непобедимая армада из двух деревянных всадников с пиками и что когда про нее вспомнят, все сразу разрешится само собой. Надо бы сказать Лозе про эту спрятанную, схороненную за одеялом и в сердце, подмогу и тогда, может, он успокоится до самого боя. Или нет, нельзя выдавать самые секретные резервы Верховного командования.

И они едут молча. И Ренат почесывает широченную шею лошади, у которой не понравившееся ему поначалу имя – Огонек. И конь идет вперед, шевеля своими большими ушами, водя ими как локаторами. Между ним и Джумахуновым телепатическая связь. Животное совсем спокойно, оно знает о спрятанных за верблюжьим одеялом чудо-солдатах.

И они едут молча, не выдавая никому своей маленькой решающей тайны.

7. Лавина

И когда прорывается передний неподготовленный к обороне рубеж, двадцать тысяч одетых в броню моторов могут выбирать: остаться ли здесь помогать авиации и пехоте утешить окруженных и еще не понявших, что к чему, вояк или нестись дальше, добивая, руша и не давая создавать рубежи настоящей обороны. И здесь в полосе прорыва остаются те, что медлительны по натуре, типа маленького сухопутного броненосца «Т-35», а может, имеют узкое предназначение – «КВ-2», например, его работа рушить толстые стены Восточной Пруссии.

И тогда только быстрая конница стального века льется вперед лавиной. Нет, это не гоночные автомобили, они не соревнуются с самолетами, пусть летчики, не торопясь, выдают им координаты новых целей или невидимых за горизонтами и лесами засад. Человеку, почти каждому, нравится созидательный процесс, но и в разрушении есть своя притягательная сила, и сейчас у каждого танкиста звенит камертоном именно эта струна нашего сложного естества. И пыль столбом из-под гусениц, и опрокинутые корпусами «тридцатьчетверок» полыхающие грузовики, и снова бесконечные колонны этих раскиданных игрушками по обочинам грузовиков: пустых, с рассыпанными снарядными ящиками, с раздавленными невезучими пассажирами, с какими-то консервами – расплюснутые банки катятся во все стороны, словно живые, а дальше, колесами вверх, повозки и лошади с переломанными хребтами или с гирляндами пуль в крупе – ржут, никак не желают спокойно затихнуть в этом хаосе, молят на своем языке, чтобы добил какой-нибудь добрый человек, но кому сейчас дело до животных – разбежались кто куда. А сотворившая хаос танковая рота уже умчалась вперед, творить чудесное разрушение дальше, не слышны уже дизельные моторы – далеко, но неожиданно снова бухают за деревьями 57-миллиметровые танковые пушки – это нашли они какую-то новую жертву. И так без конца, удары по отступающей, бегущей немецкой армии, не прикрытой с неба собственной авиацией. Удары по армии, совсем, совсем не готовой к обороне. Ей бы отойти подальше, вкопаться в землю, ну пусть уже не на Буге, пусть на Висле – ведь берега рек планеты Земля, обычно, те, что с запада, крутые, а восточные пологие, и если вкопаться, то будут защитники на возвышении, а русские танки снизу в обрыве, да еще и за рекой, и тогда, может быть... Но никак не получается – запас хода у советских танков «БТ» – пятьсот километров, и не нужно им покуда тормозить для заправки, и снова подрезают они запрудившие дороги колонны, потому что прут без дорог, а немецкая техника, почти вся колесная – не гусеничная. А еще отступающие немецкие колонны месят сверху, ровняют с землей, фронтовые штурмовики, и нет этому конца. Сколько же их? Множество несметное, потому как все время, без перерыва в небе режут, и счастье, если просто над головой проносятся, игнорируя – там, впереди, что-то более интересное, но обычно совсем не игнорируют: гроздь пуль – плюх, плюх – забиваются в утоптанную землю железными каплями; бомбы малокалиберные – гроздьями, разрывающие в щепки машины; или, самое худшее, что-то совсем дьявольское и никто не может объяснить, только штаны, полные страха, это когда с самолетов ухает, и несутся к земле ужасные огненные стрелы – и съедающее глаза пламя во все стороны, и огненные горы, не желающие опадать. Кто из немцев может догадаться, что это ракетные снаряды – впервые в мире массовое применение, да еще и с летающих батарей. В нашем мире их ставили на машины, потому как господство в воздухе полностью перехватил Гитлер. А здесь можно повыпендриваться напропалую.

И затем – не успеют водители запрыгнуть на подножки случайно уцелевших машин – снова танки. И снаряды навывлет, сквозь строй. Это уже «КВ», с ним шутки плохи, и даже если ты в танке, можешь смело выскакивать, коли успеешь – нечем пробить броню «КВ» во всем немецком вермахте. И тарахтит курсовой пулемет. И пленные табунами – «Гитлер капут!». Иногда их берут. Это когда есть под рукой свободная пехота.

И нет этому конца.

8. Жареные мясные блюда

Вот то, чего они боялись – посторонний близкий шум. Ревут с надрывом моторы, похоже, танки, а может, гусеничные тягачи, они попадают, хотя у немцев их почти нет – все на колесах.

Лесок вокруг все-таки очень редкий, и сейчас, судя по карте, они должны пересечь небольшую пустошь, да еще и дорогу. Самый опасный участок маршрута. Несколько солдат спешиваются и быстро, как тени, перемещаются к крайним деревьям. Да, это танки – «Т-2», фанерная броня для приданных к конной дивизии имени Григория Котовского «Т-26». Но сейчас с ними нет танков, а против конницы даже «Т-2» – сила.

Однако «Т-2» всего две штуки, и они явно не готовы к бою. Похоже, меняют позицию, перемещаясь по рокадной трассе на какой-нибудь новый фланг. Позади каждого на буксире бочка с горючим – так не ходят в бой. А для советских танков, с очень большим запасом хода, это вообще невиданное явление. У немцев давно, а может, с самого начала, нехватка транспорта, особенно гусеничного. Замполиты рассказывают, что они собирались воевать с Союзом – полная глупость. Как они обеспечивали бы свои ушедшие вперед танковые армии?

Однако два танка с бензиновыми бочками на цепях – это уникальная для поражения цель. Конечно, не конников, а для противотанкового ружья с зажигательным патроном. Тульское ружье способно пронзить и броню «Т-2», все равно откуда, тем более сбоку.

– Рискнем? – спрашивает Джумахунов, не поясняя даже, о чем речь.

Сергей Лоза позади даже не дышит, так хочется ему положительного ответа лейтенанта Сологубы. Лейтенант думает, а может, ждет, хотя и так все уже ясно и понятно, что танки движутся по дороге и никуда не свернут. Возможно, он взвешивает риск выдать себя до выполнения главного задания. Но пропустить эти славные, прищипленные к тарам танки, танки, которые, если их пропустить, способны, разместившись поудобнее, устроить из засады жестокую мясорубку для наступающих пехотинцев и которые кому-то придется потом рвать гранатами, и дай бог, чтобы не с собой заодно, – нет, это выше сил лейтенанта Сологубы.

– Жмыхова сюда, живо, с расчетом и причиндалами, – распоряжается он почти шепотом, на грани слышимости в гуле идущего вдали боя, боясь спугнуть удачу.

И Джумахунов снова улыбается не шевеля губами.

А потом они стоят, обнимая снизу лошадиные шеи, готовые вскочить в седла в мгновение ока, и успокаивая коней, чувствующих приближение событий и ревущие моторы «Т-2». И таращится из кустов тульское чудо длиннющим стволом, таким длиннющим, что кажется невероятным, что торчащие из люков фрицы до сих пор его не заметили.

И вот опять буцание по ушам, и сразу по глазам – патрон зажигательный и бочка первого танка производят ослепительный фейерверк. Там, наверное, ад. А сержант Жмыхов умело заряжает новый патрон. Шайтан! Два выстрела – два бронированных чудовища, это даже похлеще, чем игра в оловянные солдатики.

А затем – седла и стремена на нужные места. И коней в этот пылающий ад, и сабли наголо. И отсвечивают они дьявольским, шайтанским огнем. И кто-то из гитлеровцев умудрился выжить в бензиновой западне, и даже один из «Т-2» еще движется, неясно, управляемый либо нет. И гранату ему под брюхо, и в сторону лошадей, пока не бухнуло. И катится кричащая голова, отсеченная от объятых пламенем тела, и еще одна, возможно, уже мертвого, свесившегося из люка начальника колонны. И еще две гранаты в распахнутый люк, дабы не поддался танк починке, но, наверное, это уже перебор.

А потом стремительным аллюром весь конный отряд пересекает местность. И где-то рядом следуют деревянные копыеносцы, выскочившие из-за старого сундука. Но их не заме-

чает никто, кроме Джумахунова. Он им подмигивает и прячет обгавленную кровью саблю – сейчас не время ее протирать.

9. Экспонаты

В московском Музее Вооруженных Сил было на что посмотреть. И главное, не надо было что-то выведывать, высматривать и выспрашивать, довольствуясь намеками и достраивая остальное в голове. Здесь все было на виду. Вот она в натуральную величину – модель первой водородной бомбы, взорванной в 1953 году в австралийской пустыне Симпсон. Да, это была трезвая мысль «вождя и учителя» передвинуть испытательный полигон несколько южнее Казахстана, дабы не засорять радиационными отходами будущие целинные земли. Вообще, грандиозность некоторых замыслов поражала. В этой вселенной большому Советскому Союзу не стоило опасаться сильных империалистических врагов, а потому то, что в родном мире Панина было бы за семью печатями, здесь выставлялось наружу. Например, использование нейтральной и незаселенной Антарктиды для супервзрывов таких мощностей, для коих уже не годилась маленькая, к тому же разделенная на антагонистические лагеря Австралия. Пятьсот мегатонн бабахнули подо льдами Земли Уилкса, выбросив на волю лед с двухкилометровой глубины. Лежал он там, никого не трогал миллионы лет и тут вдруг в одно мгновение вошел в мир, явив столб пара восьмидесятипятикилометровой высоты. Вот и фото – большие, правда, черно-белые, отлично отснятые со станций «Восток» и «Мирный». Вид с обеих сторон, как полагается. Но здесь, конечно, расстояние великовато, нет эффекта – самолетные снимки куда красивее. Геополитика наяву.

Панин смотрел во все глаза, это была не просто история, местами здесь имелись вещи, от которых волосы на голове шевелились. И, кстати, об ужасах: о германских концентрационных лагерях смерти в экспозиции военного времени почему-то не было ни слова. Война та, как положено, именовалась Второй Империалистической, но только до сорок первого года. Потом она резко переименовывалась в Мировую Освободительную, или та становилась ее частью – что-то здесь было запутано, и, скорее всего, намеренно. Короче, после лета того же – сорок первого обе войны – Мировая Империалистическая и Освободительная производились как бы параллельно. Кое-где эти параллельные лихо пересекались. Например, до сорок седьмого война императорской Японии с США именовалась Большой Тихоокеанской, а после вступления в дело СССР вдруг скачком стала частью все той же Освободительной.

И, в общем, если читать между строк и видеть картину в целом, можно было уловить, отчего этот мир приобрел столь разительные отличия от знакомого Панину с детства. И не нужно было изучать какие-то засекреченные документы, рыться в пыльных, помеченных грифом высокой таинственности диссертациях, либо взламывать охраняемые автоматчиками сейфы, или, еще того хуже, забираться в дебри вероятностей высшей алгебры, подкрепленной компьютерной топологией, – вот оно решение проблемы, только впитывай и запоминай.

10. Охват

Ну, с Европой все ясно. По центру, по горным склонам Карпат, через Дунай в Альпы, рассекая ее, милую, вдоль, ползут по склонам, шелестят гусеницами легких «Т-40» горно-стрелковые дивизии, укомплектованные исключительно выходцами с Большого и Малого Кавказа. Грузины, армяне, осетины и прочие в тесной, спаянной трудностями похода связке. Водрузить красное знамя на Монблан? Всегда пожалуйста, наш родной Казбек куда выше.

Левый фланг от Карпат? Поначалу самый сильный в количестве и качестве. Однако с кем там сражаться? «Румынии», «болгарии», «греции» и т. д.? Танкам «БТ» даже некогда особо разогнаться. Вот и хорошо, после равнин Румынии можно развернуть железную лавину вверх, по Дунайским низинам, подрезая группировки врага в Великой Германии с тылу. «Течет вода Москвы-реки куда велят большевики!» Правильно?

С правого фланга от Карпат? Давно подробно рассмотрено. Громящий удар в лоб, с охватами, «котлами», рассечениями и захватами. Смелость города берет, пехота их оккупирует. Простите, освобождает.

С северной Европой, с этим нависающим тигром Скандинавии, все тоже о'кей. Финская линия Маннергейма заблаговременно и давно – в тридцать девятом – прорвана. Теперь дело простое и привычное – расширять проход и «Вперед, рахиты, на Стамбул!», как говаривал классик русской тактики Суворов. Тулупчики заранее припасены, так что можно необязательно на Стамбул – Стокгольм тоже на ту же букву. Хотя туда морская пехота Балтики может успеть раньше, если вся, не сдержав молодецкую удаль, на прибрежных минах не поляжет.

Вот, кстати, и о том, кто заполнит досадную паузу в стыке армий между Финским и Западным фронтами – Краснознаменный Балтийский флот. Что кривитесь? Не веруете в русско-балтийскую удаль? А шведов под Полтавой припоминаете? Да, частично вы правы. Мал у нас опыт морских войн, а тот, что есть, – отрицательный: знаем, как делать не надо. Например, эскадру с ходу в бой, после огибания Африки, Мадагаскара и Индии. Но вариантов как не надо – великое бесконечное множество. Можно ведь и Стамбул через Северный полюс. А вот как надо? Вот именно по этой причине нет на Балтике равных по количеству морских армад. Есть зазор для обучения, бесславной мужественной гибели и прочего. Главное, сберечь, до торжественного входа во вражеские порты, тяжелые корабли. А подводные лодки? Да кто их посчитает? Они ведь под водой львиную долю времени. Из них бы хоть одной в Северное море из мелководья балтийского выбраться, дабы доложить о прорыве очередного окна – уже не в Европу, дальше! Эх, пришла беда откуда не ждали – с тральщиками проблемы. Мало их или уже вообще нет – те, что были, – подорвались. Сволочи-фрицы используют предательское оружие – донные мины. Обидно, крейсера есть, а дорогу им проложить некому. Как у Гайдара, патроны есть, да бойцы убиты. Вставайте, братья-сестры! Ищите мины, уничтожайте их чем ни попадя! Зазря калибры большие ржавеют – никак до Киля и Гетеборга не достать. Зазря порох в снарядах сыреет – жрут оккупанты фашистские рябчиков в Копенгагене без забот.

Но недолго тот праздник желудка будет длиться у буржуев – спешит на выручку Балтийскому брату флот Северный, вкруговую, огибая Норвегию, по пути-дороге десанты сбрасывая на шхеры. А еще, доблестные ВВС не оставят в беде корабли, на минных полях застрявшие, дадут жару агрессорам по самые гланды.

И главное в освобождении Европы Восточной, а особенно Западной – это быстрота. Поспешешь, людей насмешишь – не для этого случая. Сейчас главное, дабы Великобритания, на островах дремлющая, не спохватилась, не пожелала внезапно в стирании Третьего рейха и окрестностей поучаствовать. А потому стремительные красные стрелы по карте и по жизни.

11. Потенциал

У кого возникают сомнения по поводу произошедшего? У каких таких троцкистов-мазохистов? Кто тут Фома Неверующий?

Если в нашем мире досточтимый СССР сумел, получив жесточайшее поражение, оправиться от удара и размахнуться для убийственного ответного, то что говорить о принятой за основу ситуации? Утверждаете, задачи более обширны? Да, конечно, завоевать всю Европу сложнее, чем половину. Однако это на первый взгляд. В нашем сорок четвертом Запад высадился с одной стороны, мы подперли с другой, и фашизм, побившись чуток в агонии, лопнул, зажатый в клещи. Теперь Запада нет и клещи работают с одной стороны. Но что с того? Наковальня, один черт, имеет основание. Конечно, отталкивать противника удобнее, вжимаясь спиной в стену, а не в другого агрессора, но... Размеры Европы конечны, да и не очень она велика по российским масштабам. А что более разнообразна, так гитлеровцы уже солидно затерли радужный спектр – осталась пара мазков красного, и все дела. А кроме того, зачем брать всю конечную Европу? По-моему, после пары-тройки сотен километров наступления за Берлин для самых тыквообразных голов все становится ясным до жути. Будет ли вытесненная и случайно не взятая в «котлы» армия боеспособна на чужой, пусть и оккупированной своими, территории без баз снабжения и подкачки военной промышленности? Это вам не времена Чингисхана, когда войска могли действовать без средств коммуникации и снабжения. Здесь не может быть прямого отображения произошедшего у нас. Если бы Гитлер даже сумел, еще одним чудом, заграбастать Москву, это бы мало отсрочило поворотный момент войны. Там, за столицей, тянулись еще тысячи километров враждебных, плохо освоенных земель, с десятками очагов передовой индустрии, а ресурс слабеньких немецких танков, сделавших подвиг, был уже полностью выработан; а артерии-питатели снабжения армии растянулись до критического предела; а линия фронта все ширилась и ширилась, превращаясь в опрокинутую воронку.

Так что с зеркальным отображением что-то не получается.

А еще утверждают, после захвата Москвы на нас бы наскочила милитаристская Япония? Извините, в момент битвы под русской столицей она и так влипла по уши, напав одновременно на коалицию стран во главе с США, – добавлять туда для икебаны СССР было совсем некстати.

Как ни крути, зеркало, однако, кривое.

Так вот, после захвата Берлина все становится прямолинейно-кругло. Далее можно двигаться все быстрее и быстрее, поскольку гусеницы у танков «БТ» сняты и несутся они колесным ходом по хорошим дорогам и твердому грунту. Может, и есть очаги сопротивления, но все они заранее выявлены парящей в небесах авиацией с краснотелыми крыльями. Недаром, недаром едят хлеб преподаватели летных школ и комсомольских клубов по интересам – вот сколько ясноглазых соколов воспитали. Так что укрепленные районы обходятся, оставаясь в глубоком тылу авангарда. Кто там еще впереди? А, союзники фюрера или сдавшиеся ему с потрохами! На кол их, на кол! И прут быстроходные, автострадные танки дальше.

Нет, скажет кто-нибудь, союзники такого самосуда не потерпят. Они тут же десант во Франции высадят и построят непреодолимый барьер из штыков и тяжелых «Черчиллей». Ха, ответим мы. Во-первых: в каком году в нашем мире американо-британцы высадились в Пад-Кале? В сорок четвертом, кажется. А сейчас сорок первый, дотуда еще жить и жить. Пусть покуда мастерят десантные боты да изобретают плавающие танки, давно в нашей доблестной армии-освободительнице известные. А во-вторых, чхали мы на двудульный «Черчилль», у нас «КВ-1», «КВ-2», «КВ-4» и «КВ-5». Последних двух еще в бою никто не видел – просто не было достойного случая.

Так что, Европа, проснись! Будь готова к освобождению от эксплуатации!

12. Киргизский бешбармак

А впереди ухает, совсем уже громко, цель-пряник – финишная красная лента этого рейда. Просто не верится, что до нее десять-двенадцать минут ходу, невозможно, что прошли они по тылам добрые сорок километров и до сих пор невидимы. Кто поверит когда-нибудь, во счастливом всеобщем социализме, что были возможны такие штуки? Джумахунов нагибается, уклоняясь от веток. Сергей Лоза больше не лезет с успокоительными для себя вопросами, его большая голова занята внутренней перемоткой проведенного непланируемого боя, а может, это совсем не так и, сбросив в бою напряжение, он просто поет про себя свои длинные песни? Нет смысла спрашивать, только засмущается парень, устыдится непонятно чего, как будто все остальные не люди и могут управлять своими мыслями-скакунами в черепах. Например Джумахунов, если бы его спросили прямо, вполне мог бы рассказать про оловянных солдатиков далекого детства, ведь это случилось столь давно, что, можно сказать, только условно, по договоренности имеет к нему теперешнему какое-то отношение.

Вскоре они останавливаются, осталось совсем-совсем немного до цели – дальнобойной немецкой батареи. Почему-то ее никак не может уgomонить авиация, и приходится призывать на дело старых проверенных лошадок. Лейтенант Сологуба быстро раздает указания. Когда начнется бой, не время командовать, тогда все покатится само собой по выбранной, а может стать, и по неожиданной колее. Все и так знают свои обязанности назубок – все вокруг, съевшие собаку в сабельных боях, ветераны. И тогда отряд рассыпается на части – каждая пойдет теперь своей дорогой, дабы взять злосчастную батарею в кольцо.

У Джумахунова и тех, кто с ним, путь самый простой – по прямой. И они движутся к неумолимой цели. А предохранители у оружия уже сняты и пальцы около курков. Как чешутся эти пальцы.

– Тихо, Огонек, – говорит Джумахунов лошади, уже почуявшей развязку.

Потом, сквозь перекаты в ушах, он различает каркающую речь фрицев. На мгновение он оглядывается на едущих позади и все всё понимают: не стоит выдавать себя автоматной стрельбой у самой цели – к шайтану курки, предохранитель на место, а вот шашки наголо.

– Гони, Огонек!

И они несутся сквозь этот бесконечный кустарник, хлещущий по щекам, сквозь ветки, желающие выколоть глаз. Да, стрельба может случиться не по их вине, но тут уж стоит рискнуть. За дело, сабля! Только одно беспокоит Джумахунова, пора ли вызывать из-под старого сундука запасное воинство – может, сберець его до следующего случая?

А впереди внезапно ржут лошади. Черт возьми, это всего лишь немецкая полевая кухня со сменой поваров. Ну, что ж, не повезло снабженцам – сейчас из них самих сделают фарш. И визжат зарезанные, и падают разрубленные от плеча пополам. На миг один из воинов Джумахунова замирает над колесной кухней, свешивается с седла – жуть как интересно посмотреть, что едят артиллеристы.

– Все сожрали, сволочи! – сообщает он остальным. – Товарищ Ренат, возьмем их тепленькими и сытыми.

Все ржут, только кони тяжело дышат, а Джумахунов улыбается без улыбки.

И снова они врезаются в высокий кустарник, и нет ему конца-края. И опять шашки в ножны, а палец вблизи курка.

– Гони, Огонек!

Но вот она – гаубичная батарея. Пушкарки зажмурились и зажимают уши ладонями – роковой момент команды «огонь!». Гахает так, что чуть не падает на ровном месте Огонек. А фрицы расплющивают глаза – уже видят, но еще не слышат, оглушенного, рокового грома «ура!».

А автоматные очереди уже высекают искры из их тяжелой, но не могущей защитить хозяев техники. А откуда-то из далекого-далекого угла выскакивают, шайтанами из табакерки, могучие деревянные воины, сами, без всякой помощи маленького Рената. Ему некогда оглядываться на них, но он знает – они здесь.

И если враг не сдается, его...

Кто-то сообразительный из орудийного расчета выбрасывает вверх руки.

Но первое правило необязательно.

Свистит, режет воздух заточенная сабля.

13. Новые винтики в старую резьбу

А освободительный поход набирал темп.

Заводы «Шкода». Чехословакия. Март, 1942 год.

– Так говорите, что не сотрудничали с фашистами? – Следователь улыбается так мило, что даже не соответствует застегнутой на все пуговицы гимнастерке, и говорит почти без акцента.

Марек Благович слушает его в некотором замешательстве: черт знает куда клонит этот русский. Но он все еще верит в разумное, доброе, вечное, ему только тридцать лет, из них под фашистами он прожил менее одной десятой, под коммунистами месяц – он еще не уразумел.

– Понимаете, гражданин следователь, – слово «товарищ» Благович некоторое время назад перестал употреблять, когда однажды укрывающая его благодная аура на мгновение рассеялась и он заметил перемену в лице следователя при пролетарской форме обращения. – Как я могу сотрудничать с фашистами, если я сам коммунист, вот уже два года скоро.

– Да, да мы в курсе, пан Благович. Но как вы объясните факт своей работы на заводе?

– Но ведь нужно было маскироваться. – Марек еще в большей растерянности. – Нужно в конце концов семью кормить. У меня двое. – Он заискивающе улыбается, возможно, впервые в жизни так наигранно.

– Вы в курсе, что после захвата Гитлером вашего производства выпуск танка «Прага» не прекратился, а даже возрос?

– Нет, по-моему, все-таки делать стали меньше. У вас неверные сведения, поймите...

– Это грозное оружие усилило агрессора. Вы знаете, сколько мы захватили их вблизи границы. У немцев они назывались «38(т)», я не ошибаюсь?

– Нет, все правильно, но ведь...

– А вы говорите, – шутовски грозит Мареку пальцем следователь. – Теперь вот просмотрите-ка эту бумагу и распишитесь, что вы ее читали.

Благович некоторое время читает, он все еще не верит, ему даже смешно. Вскользь, словно из амбразуры, он бросает взгляд на следователя, желая найти в его выражении улыбку: тот без юмора и без выражения смотрит на весенний пейзаж за стеклом. Стекла у них уже вставлены, отмечает вдруг Марек, нигде еще нет, а у них уже все чистенько, аккуратно, аж зло берет.

– Прочли? – вяло интересуется русский, не поворачивая головы.

Марек все еще постигает, желает проникнуть между строк, выловить скрытый смысл. Он переживает, как когда-то на экзаменах. Попался не тот билет.

– Ну что? – говорит следователь.

– Бред какой-то. Как я мог сотрудничать с англичанами, если наша страна оккупирована немцами. Да и к тому же даже если бы так: англичане ведь союзники, и наши и ваши, как я понимаю.

– «И наши и ваши», – загадочно повторяет следователь и наконец улыбается. – Но вы, пан Благович, все же подпишите, вы ведь ознакомились с содержанием.

Марек подписывает.

Больше он никогда не увидит своих близких. Через десять дней он несется в теплушке в бескрайние дали. Он еще не ведает, как ему повезло. Ехать ему еще очень далеко, но ближе чем другим: он сойдет на Урале. Там разворачивается новый Нижнетагильский танковый гигант. Нужны рабочие руки, но ведь эвакуации не было – где их взять?

Здесь Марек увидит технологическое и военное чудо: серийное производство сверхнадежного пятиступенчатого «Т-34», даже по массе в три раза превосходящего его родную «Прагу». Век живи, век учись.

14. Экспозиции

Как быстро мы ко всему привыкаем. Как пластичен наш разум. Казалось бы, он так недавно здесь, но уже так привычна окружающая необычность. Ведь совсем другой мир, похожий, но другой, параллельная вселенная или измерение – не все ли равно, как называть? Как быстро он освоился, уму непостижимо. Вот, к примеру: Дворец Советов – взгляд еще задерживается, пялится вверх голова, отслеживая край-вершину, но ведь механически. Да, на мгновение возникает интерес-удивление, когда голова упирается в зенит – но и только. Вот он – Владимир Ильич на чердаке, даже отсюда с трехсотметровой низины поражают габариты. В детстве родители возили Панина в Волгоград, так, дань традиции, доставшейся от деда, пережившего войну и потерявшего на фронте брата и отца. Давно заброшен, никому не нужен Мамаев курган. Но Родина-мать, пусть в вечных, неснимаемых строительных лесах (нагромоздили, когда обелиск меча среди бела дня надломился и ухнул, расплющив троих ротозеев) все равно завораживала своими размерами – здесь никакое фото, пусть даже стерео, не поможет вызвать аналогичное ощущение. Так вот, Ильич на верхотуре этого самого высокого в Москве здания был намного внушительней. Правда, этот мир не знал той статуи на Волге, потому как не было тут Сталинградской битвы и Панин был единственным способным провести аналогию вживую, но все же... И ведь даже это чудо стало обыденностью, не приелось еще окончательно, но все-таки...

Что еще поразило Панина в первый раз, когда Аврора повела его на Красную площадь, – это второй мавзолей. Чего-чего, а уж этого он как-то совсем не ожидал. Два симметричных строения, слева и справа от Спасской башни. В пятьдесят пятом воздвигли, а до этого почти два года обе мумии спали под одной крышей – в тесноте, да не в обиде. Теперь вокруг Кремля сразу три почетных караула, третий возле Вечного огня павшим в Освободительном походе. Интересный мир!

Что возмущало Панина поначалу и на что он, конечно, не мог никому пожаловаться – это отсутствие карты. Нельзя сказать, что карты Москвы для туристов вообще не существовало (с большим трудом через какого-то знакомого Аврора смогла добыть ему нормальную типографскую схему-план), но это был страшный дефицит. Смысл этого изъяна организации жизни пятнадцатимиллионного города был ясен – заставить приезжих все время обращаться к окружающим за советом и этим действием выдавать себя, упрощать контроль органам правопорядка. А уж на своей машине пришлый тем более никогда бы не рискнул въехать в столицу мирового социализма, хочешь ездить – бери такси. А через таксистов тоже, если понадобится, можно потом отследить маршрут следования. Сложности одиночкам, зато повышенная безопасность системы.

Карты с собой Панин не носил, не стоило при внезапном обыске на улице сразу же выдавать в себе приезжего. Он угробил несколько вечеров на ее изучение. Особых сложностей не возникло, еще там, в своем мире, он досконально исследовал Москву. Отличий было достаточно, во многих местах это был совсем другой город, но центр был похож, а львиная доля названий сохранилась с очень далеких времен.

15. Табуреточки

И совсем немного – чуть-чуть об экономике.

Перед началом Великого Освободительного похода стало ей тяжело. Все знают, что если где-то прибудет, то откуда-то убудет. Так вот, поскольку в день одновременного перехода границ Германии, Венгрии и Румынии объявили по Союзу всеобщую мобилизацию, то мужичков, изрядно на предприятиях поредевших, а на селе совсем исчезнувших, стало еще меньше. Конечно, социалистический строй не может допустить, чтобы техника, народным потом и кровью политая, простаивала зазя, а потому встали за станки мужичками забытые, и сели за штурвалы тракторов, мужичками объезженные, женщины-передовики. Да не просто сели и встали, а еще лозунги кинули: «Бабы, дадим для фронта не сто – двести процентов плана!» И пошло, понеслось движение «двухсотчиков», а затем «трехсотчиков», а затем...

Однако каждый начальник знает, на бабах далеко не уедешь. Во-первых, управлять ими очень мудрено, возможно это только в момент трудового энтузиазма, который охватывает их без всякой видимой причины, но способен так же внезапно сникнуть, без причинно-следственного объяснения. Ну а кроме того, часто они в декреты уходят либо больных деток обхаживают, и тогда на предприятии от них сплошной убыток.

А еще, гребла армия родная и женщин временами – в медсестры и фельдшера: двухмесячные обязательные курсы ускоренной анатомии, умение вставлять градусники и вкалывать кипяченный шприц в нужное место, бинт разматывать и наматывать, что еще надо-то? Куда денешься, когда внезапно начали появляться в непобедимой армии раненые и больные всякими дизентериями. А движение на запад останавливать нельзя, мало ли какое чудо-оружие друг плененного Гитлера – Франко изобретает.

Да, помогло привлечение в дело самих детишек, лет эдак с четырнадцати-тринадцати. Благо в век индустриализации и строительства базы коммунизма живем, все равно станку железочугунному, кто на нем кнопки нажимает, пришлось, правда, мастерам цехов табуреточки специальные из головы изобрести, дабы поднять подростков на должный уровень кнопконажимания. А вообще, дело нужное, и оно пошло. И «все для фронта, все для победы» набирало в экономике обороты.

Хуже было с сельским хозяйством, здесь как запороли посевную весной сорок первого, в связи с непрерывными учениями и перегонем эшелонов к западной границе, так только сейчас, осенью, всполошились, что убирать-то нечего, да и нечем, по сути. Ох уж тут аграрии забегали по Кремлю. Многих их тогда, ускоренным образом, перевели в лесозаготовительную промышленность на младшие должности, орудовать топорами и пилами. А то ведь поубавилось в лесопромышленности работников – еще на границе весны и лета посадили всех молодых ЗК в эшелоны и так же – на запад. Там им, понятно, винтовки Мосина вручили и танки постарше возрастом, снятые тепереча с производства. Пошли ребятки в прорывы, в первых героических рядах, кровушкой родимой грехи перед Родиной-мамой замаливать.

Ну, так кто же тогда лес валит, так нужный для шпал новых русифицированных железных дорог в Польше и Чехословакии, спросите вы, начальства аграриев действительно маловато для такой сложной задачи будет?

Забыли, забыли вы один нюанс. Ведь война же. И дело не в том, что она все спишет. Действительно спишет, будьте спокойны. А дело в том, что социализм покуда укрепляется и вишь растет, а коммунизм еще за горами и долами, принципы старинных рабовладельческих войн нам совсем не помешают, раз для дела, а не со скуки. Пленные! Десятками, сотнями тысяч, а затем и миллионами, из всех этих больших «котлов»: под Люблином, под Кенигсбергом, под Плоешти, под Веной и т. д. И идут десятки эшелонов назад на лесоповалы с новыми лесорубами, говорящими покуда на румынском или немецком. И спускаются переполненные клетки

в шахты Донбасса с интернациональными сменами для уставших стахановцев. И снова можно забрать имеющих до этого бронь мужичков с заводов для пополнения ушедшей далеко армии. Ведь и оттуда имеются вернувшиеся. Ну и пусть что без ноги-руки – их на более легком производственном процессе можно использовать, только снова нужно табуреточку специальную мастеру цеха изобрести.

А, плохо с питанием? Несмотря на репарации, кушать сильно хочется, а хлеб по карточкам и наполовину из соломы. Извините, война. Не мы в ней виноваты. Вон, газеты читали? Видели, какие там страшные документы об их варварских планах нападения на нашу мирную страну публикуются? «Барбаросса» именовался, и если бы мы не успели, тогда... Вот сейчас хлеб из соломы едите, а то бы... Про концлагерь Бухенвальд слышали? Вот, вот.

Так что – война все спишет. А движение «трехсотчиков» ширится и множится, как свет социализма по нашему шарообразному миру.

16. Подвиг генералиссимуса

Видали картину «Переход Суворова через Альпы»? Русскому генералиссимусу было нелегко, но все же в кое-чем он имел облегчение – ему не надо было тащить с собой танки и 122-мм гаубицы. «КВ», правда, не тащили, но «БТ» и «Т-34» – это, скажу вам, тоже не подарок на горных тропах. А руководил этим подвигом генерал Баграмян, друг Жукова.

То-то удивились «макаронники», когда они с гор спустились. Италия страна теплая, здесь и зимой воевать в удовольствие, да и небольшая она – фронт узок, один раз прорвал и при, пока есть горячее. «БТ» без гусениц – знаете, как несутся?

И понеслись!

17. Приобретения

Он прибыл в Таранто ночью, и как ни вглядывался в окно автомобиля, пока его везли с аэродрома в порт, ничего не рассмотрел – освещение напрочь отсутствовало.

– Это специально, – пояснил обстановку сидящий рядом и встретивший его подполковник с нашивками авиации, но совсем из другого ведомства. – Мы запретили пока ночное освещение. Летающие английские разведчики с Мальты так и норовят заглянуть нам под юбку. – Офицер нехорошо ослабил. – Пусть помучаются в неведении, империалисты хреновы. А местные даже не возмутились, фашисты их тут к дисциплине приучили. Мы, кстати, их сейчас отлавливаем, гаденышей, муссолиниевских прихвостней. Будут знать, как делать диверсии.

– Что, взорвали что-то? – спросил Гриценко.

– Сейчас сами увидите, – неопределенно пояснил замаскированный авиатором энкавэдэшник.

Шофер вел уверенно, будто тут и родился, в этом городе у моря, а не оказался здесь в составе освободительной армии считанные дни назад. Гриценко еще раз внимательно посмотрел на него сзади – нет, и затылок и морда совсем рязанские, будто только сейчас из родного колхоза призвали на защиту Родины.

– Как он дорогу не путает? – все же спросил он у подполковника, кивнув на водителя.

– Наш человек, – с гордостью пояснил сопровождающий, – бывал здесь ранее. Он загорщицки приложил ладонь ко рту. – «Пятая колонна», так сказать.

Неужели разведка, подумал Гриценко, но не стал переспрашивать: слишком любопытных, в не касающихся тебя самого сферах, в армии не поощряли. Четкое разделение обязанностей, вот что крепило всю механику победы, и Гриценко вполне разделял это утверждение. Он снова воззрился в темноту. Лишь в свете закрытых маскировочной маской фар временами мелькали какие-то детали, да несколько раз их останавливал вооруженный патруль, вблизи стоящих на обочине «БТ-7». И все-таки даже в этих отдельных кусках пейзажа угадывалось отсутствие разрушений, он прекрасно помнил немецкий порт Варнемюнде – вот кому досталось, живого места не было. Штурмовая и бомбовая авиация потренировалась там вовсю. Сколько они тогда мучились с подъемом подводных лодок, затопленных прямо у пирса. А толку от них так и не оказалось никакого, легче новую построить, чем такие дыры залатать. А сколько распухших, вонючих трупов подводников они тогда из них извлекли. Гриценко отогнал неприятные воспоминания.

За отвлеченными разговорами они добрались до порта. Однако и здесь было хоть глаз выколи.

– Маскируемся, – снова прокомментировал оперативник. – Флот с Черного моря пока не может подойти, а кто нас прикроет?

– А авиация? Вон сколько ее на аэродроме было.

– Да, – повернулся в темноте энкавэдэшник, – а если их линкоры подойдут или эсминцы? Вы помните, что они сделали в южной Франции?

Гриценко помнил, в смысле читал. Тогда англичане потопили флот бывшего союзника – Франции, после того как Петен сдался. «Да, не хотелось бы здесь этого, – подумал он. – Здесь кораблей поболее будет, и сколько первоклассных, о которых советскому флоту пока только мечтать. Правда, кто-то рассказывал, что линкоры у нас тоже строятся, но когда их еще доведут до ума, да и не просто их с Балтики переправить сюда, под носом у Великобритании, не говоря уж о том, что там они нужнее.

Затормозили возле самого трапа. Сердце защемило от ударившего в нос знакомого запаха моря и большого корабля. У них проверили документы, подсвечивая фонариком, и пропустили

наверх. Поднимаясь по раскачивающейся в темноте лестнице, Гриценко испытывал радость, как будто уже качался на капитанском мостике посреди Средиземного моря.

Когда за ними неслышно закрылась обрезиненная по краям дверь, он едва не ослеп – от многочисленных ламп. Здесь их встретил старшина пехотинец.

– Наденьте! – сказал он повелительно, отдавая честь.

Это были противогазы. Гриценко не пользовался ими давненько, он больше привык к респиратору, при отработке учебных тревог по тушению корабельных пожаров.

– А зачем? – вырвалось у него невольно.

– Надо, надо, – подстегнул его опер, сам он уже облачился и говорил словно из закрытого отсека.

Теперь вниз их повел появившийся откуда-то рядовой.

– Здравия желаю, товарищ капитан третьего ранга, – приветствовал его еще один мордастый подполковник. – А все-таки молодец товарищ Сталин, что форму офицерскую вернул – любо-дорого смотреть. Как добрались? Устали небось при перелете? Подумать только – Альпы перемахнули. Но разве могли мы раньше такое представить, товарищи?

Мордастый подполковник говорил возбужденно, с верой в глазах. Противогазы гости уже сняли. Гриценко пытался пригладить вздыбившиеся волосы – никак не получалось.

– Как вам корабль? – спросил мордастый, представившийся Иваном Петровичем Мокиным.

– Да не видел еще, – ответил Гриценко, пожимая руку и также представляясь.

– Ничего, дорогой товарищ, увидите. И не только увидите, – Мокин поднял вверх указующий перст, – а еще и поплывете на нем, поплывете под флагом нашей Родины.

„Никак замполит, – констатировал Гриценко. – Ладно, чего время за разговором трепать, нужно действительно осмотреть корабль“.

– А всегда пожалуйста, – лучезарно улыбнулся Иван Петрович, когда Гриценко выразил свою просьбу вслух. Посмотрите, пощупайте что надо, а потом поговорим, так сказать, по вашим свежим впечатлениям. Я буду тут, у себя, в этих скромных апартаментах, я ведь человек маленький – партийная совесть. Это вам – капитанскую каюту выделили, вот там простор, скажу я вам по секрету. Сейчас позвоню, вызову для вас сопровождающего. Противогазик не забудьте, у нас покуда без него нельзя. Здоровье ваше товарищу Сталину еще требуется.

18. Шпионская суета

Панин уже привычно выскочил из трамвая (вагон был красивый – производство Французской Коммунистической Республики) и желал перепрыгнуть в идущий дальше от конечной троллейбус, когда краем глаза заметил неладное. Оттуда, с наблюдаемой боком стороны, выдвинулся в его сторону человек в форме. Панин, не останавливаясь, покосился в его направлении и сразу же повел глазами дальше, словно в рассеянности не видя окружающего пейзажа. Там, в двадцати метрах, возвышался высокий отглаженный майор и с ним два сержанта – военный патруль, это было понятно, даже если бы они не носили своих опознавательных блестящих блях со стороны сердца. А вот третий – ефрейтор – самый младший по званию и, наверное, по сроку службы – летел в сторону Панина – хотел выдать приглашение: „Гражданин, подойдите, пожалуйста, к начальнику патруля города-героя Москвы“. Спасибо большое, мы как-нибудь...

К „приглашению“ не стоило относиться с ухмылочкой, ляпать что-нибудь вроде: „Товарищ начальник, зачем я нужен-то? Ведь уж давненько в армии отслужил, чем могу быть интересен?“ Но здесь был не старый, добренький социализм раннего детства Панина – здесь военный патруль имел право проверять документы у любого встречного-поперечного, а слишком подозрительных передавать по эстафете милиционерам. Кстати, милиция обладала сходными функциями в отношении военных – эдакая тимуровская идиллия взаимовыручки и братско-ведомственной поддержки.

Панин взял старт, мгновенно сменив торопливую деловую походку на бег. Оглядываясь, он зафиксировал, что ефрейтор раздумывал не более секунды, тоже ускорился. И те, старослужащие, тоже не остались в стороне. Становилось интересно.

Панин на мгновение остановился за первым поворотом. Пришлось ждать лишь несколько биений сердца, когда на него вылетел трудяга-ефрейтор. Панин стукнул его по носу и, не дожидаясь его красивого падения, вновь развернулся для бега. Прохожих не надо было раздвигать, они сами поспешно шарахались от греха подальше. Он сделал еще одну остановку, когда понял, что один из сержантов бежит очень быстро. Снова пришлось замедлить движение, перейти на вялую трусцу, а потом резко развернуться, ориентируясь по звуку шагов.

Теперь удар получился совсем жестокий – на встречном курсе, возможно, он сломал служажке переносицу – он совсем не хотел этого, но так сложилось. Третий преследователь явно не был спринтером, и Панин оторвался.

Затем пришлось делать несколько ложных пересадок, дабы запутать след окончательно – он хотел убедиться, что „хвост“ отсутствует. Да, товарищ начальник патруля, знали бы вы, кого только что чуть не задержали, шутка сказать, не просто шпиона – посланца из другой вселенной!

Даже в том, родном мире про старую московскую гауптвахту рассказывали легенды. Панина специально просветили по этому вопросу. Не стоило попадать туда даже местным офицерам, а уж о срочной службе и говорить нечего. Тот, кто направлялся туда на трое суток, мог просидеть суток семьдесят, начальник, или же дежурный прапорщик, мог добавить по своему желанию сколько душе угодно. Понятно, его душе – не твоей. А выпускали оттуда тоже своеобразно, без всяких документов о выписке. Попробуй доберись в родную часть через всю Москву, где снова патрули. Некоторые достигали родной казармы пешком, мелкими перебежками, по ночам, за несколько суток, хотя ехать в метро днем – полчаса. Так ведь это в нашем родном мире всего лет двадцать назад, а здесь где у генералиссимуса Сталина собственный мавзолей? Нет, стоило побегать.

19. Итальянское Амаретто

В противогазе было крайне неудобно участвовать в экскурсии, но снимать и вправду не разрешили. Да, на таких больших кораблях Гриценко еще не бывал, тем более внутри. Осмотра здесь было, конечно, не на один день, но хотя бы беглое впечатление надо было составить. Вообще-то, что неприятно поразило, так это царящий бардак, полное отсутствие чистоты. То там, то здесь попадались под ноги какие-то бумаги, мусор. Но все равно кто-то незримый держал руку на пульсе действительности – некоторые встречающиеся двери оказались опечатаны.

– Комитетчики, – глухо сквозь мембрану пояснил новый сопровождающий, как будто сам был не из той же шайки-лейки.

Кое-где встречались живые люди. Обычно они таскали на себе какие-то бочки и обливали окружающие стены и полы некой пенообразной жидкостью. Иногда бочки были большие, их носили по двое, а не в ранце за спиной.

– Что они делают? – спросил Гриценко.

– Дегазация, – одним словом растолковал сопровождающий и не стал пояснять далее.

„Какая дегазация, – думал про себя Гриценко, – холера у итальяшек, что ли, была или какая-нибудь неизвестная нам местная зараза? Но ведь тогда нужно делать прививки, а не дегазацию“.

Через какое-то время – Гриценко показалось, что он отмахал много километров, – они попали на пост боевого управления. Честно говоря, Гриценко надеялся увидеть что-то поражающее воображение, но особой механики-автоматики он здесь не разглядел. Он вспомнил водимые им ранее, гораздо меньшие корабли. Да, сладко мелькнуло в мозгах, не во всем капиталисты нас опередили, прав товарищ Сталин, что у нас самый передовой строй. Дайте нам только время, размышлял Гриценко, и мы вас за пояс заткнем, господа миллиардеры.

Зато главный калибр произвел впечатление. Господи, сколько здесь было всего. Он даже увидел готовые к применению гигантские снаряды. Какая удача, думал он пораженный, какая удача, что все это нам досталось, а не пальнуло по нас. Даже зло берет на этих макаронников, сдать корабли совсем в боеготовом состоянии. Вояки называется.

Но он все никак не мог насытить свое любопытство, и экскурсия продолжалась. Отмахав еще с километр по переходам, он попал вниз, в машинное отделение. Вот здесь любопытство сыграло с Гриценко злую шутку, насытилось наконец...

Там, внизу, были трупы – раздутые, воняющие (благо противогаз), причем целые горы. А вокруг деловито сновали живые и что-то делали с ними, грузили на носилки и куда-то несли. Гриценко стоял, как громом пораженный. Он разглядывал эти обезображенные синие лица сквозь начавшие запотевать стекла и никак не мог понять. На трупах была форма, наверное, итальянская военно-морская, раньше ему такой видеть не приходилось, иногда угадывались офицеры, по другому покрою одежды. Сопровождающий пытался его оттащить, но он уперся. Пока он стоял так, откуда-то пришли новые солдаты в противогазах, принесли еще мертвых. А те, другие, брали подряд то, что уже есть, и продолжали куда-то таскать. Он пошел за ними, хотя сопровождающий дергал его за руку, шипел что-то под своей резиной.

А трупы носили в глубину машинного отделения. Стало совсем жарко и плохо видно от копоти. Здесь, прямо в топке, сжигали тела, прямо так, не снимая с них одежды. Бросали в специальное отверстие – спешную доработку питаемой мазутом машины, доблестное ращпределение какого-то Левши из технического отдела НКВД.

Гриценко был в шоке, он не помнил, как снова попал в каюту к Мокину. С него едва стянули противогаз, когда его вырвало. Только еще через полчаса, уже ранним утром, он вновь предстал перед Иваном Петровичем. Тот выпроводил из помещения всех, оставив, кроме Гриценко, только опера, встретившего гостя на аэродроме.

На столе оказалась красивая бутылка.

– Зря вы, дорогой товарищ, полезли в машинное, рано еще туда, – растолковал Мокин. – Там еще работы на несколько дней. Команды у линкора знаете сколько? Слава Вождю и Учителю, она была не полная.

– А что с ними случилось? – наконец решился спросить Гриценко. – Эпидемия какая-то, не пойму?

– Вначале давайте выпьем за встречу и за здоровье товарища Сталина, а потом обсудим.

Они выпили – вино было на редкость вкусным. Потом выпили еще – закуска тоже была ничего.

– Что с ними было делать, с гадами? – спросил Иван Петрович. – Ведь, сволочи, хотели все свои корабли затопить или вывести из строя. Они бы, конечно, сдались англичанам, но горючки у них давно не было в наличии. Плохое материально-техническое снабжение, экономика капиталистическая в кризисе. Чертовы милитаристы Муссолини заглотнули больше, чем хотели. Грецию им захотелось, а у самих флот без топлива. Можно было бы, конечно, авиацией их забомбить, но ведь жалко корабли. Красавцы ведь – вот увидите при свете дня. А пока еще пехота сюда бы добралась... А у них, видели, снарядов сколько? Подорвали бы гады корабли и все тут. Вот и решили их того.

– Что того? – обалдело спросил Гриценко, держа очередную полную рюмку.

– Бомбами специальными – химическими, вот чего, – Мокин спокойно выпил и закусил.

Гриценко ждал продолжения, не дождался, тоже выпил.

– Это только по линкору, или...

– А что, другие корабли хуже? – возрился на него Мокин. – По всему флоту, разумеется. Три эскадрильи накрыли весь порт.

– А город, как же город?

– Не паникуй, моряк. Партия все учла. Направление ветра подгадали нужное. Всю лишнюю дрянь унесло в море синее, только несколько соседних кварталов задело. Ты не расстраивайся, товарищ Гриценко, ты же коммунист. Теперь понимаешь, почему затемнение и противогазы? Так вот, о деле. Приказано вам в ближайшее время оценить обстановку. Дадут вам инструкции, чертежи, все, что нашли в сейфе. Еще выделим несколько переводчиков с местного, пусть эти инструкции советским языком озвучат. Вам надо в срочном порядке подготовить эти корабли к морским сражениям, пора, наконец, с главными империалистами сойтись. Горючее уже идет по железной дороге. Осмотритесь, напишете список тех людей из известных вам ранее специалистов, которые вам нужны в команду. Прикинете, сколько нужно матросиков для экипажа, чувствую я, что раздували империалисты штаты до невозможности. Набросаете, какие усовершенствования необходимы, в смысле навигационного оборудования, может, его подновить? Что надо пришлют из Германии, там у них все равно трофеи в гораздо худшем состоянии. Ясно, товарищ капитан третьего ранга?

Гриценко кивнул. Он все еще не мог очухаться от нового знания.

– Теперь вот что, товарищ. Через несколько дней спецкоманда доделает свою необходимую работу, дезактивация тоже завершится. Те, кто прибудет после вас, не должны ничего знать, вам, надеюсь, понятно? Другого метода захватить флот не было, партия наша взвесила все. Останутся там всякие несгорающие части, типа костей, так вот, их запакуют в специальные контейнеры, пусть покуда хранятся, а когда выйдете в первый рейс, сбросите их в глубину без особых почестей, но, в какой-то мере, по морскому обычаю. Не станем мы их закапывать на суше, нечего Катень разводить, раз море рядом.

– Кого разводить? – переспросил Гриценко.

– Не обращайтесь внимания, термин такой специальный, я ведь в ваши грот-брамсели не лезу, Павел Львович. Не знаю, как вам, а мне лично этих фашистов не жаль. Они поплатились по делу. Помните, как в тридцать восьмом они травили газом угнетенные массы Эфиопии?

Кто тогда их наказал? Давайте выпьем, Гриценко, за здоровье самого справедливого человека – товарища Сталина.

Они чокнулись. Вино в Италии было великолепно.

20. Реки загнивающего мира

Как известно из географии, не все города стоят у моря. Поэтому не во все из них можно добраться на крупном военном корабле. Следовательно, не во всех можно объявить революцию залпом боевого крейсера. Это не значит, конечно, что революцию нужно всегда объявлять с водоплавающего устройства, но все же так принято. В американских горах Кордильерах имеются старые развалины одного затерянного города. Не ведаем мы, кто там и даже когда жил, но знаем, что там в свое время произошла мощная революция, оставившая лишь камни на камне, – валяются там местами составные части дворцов весом по две тысячи тонн, но еще знаем наверняка, что без моря не обошлось даже на этой четырехкилометровой высоте – следы наводнения также сохранились.

Так вот, поскольку революциям и сменам исторических формаций принято салютовать с боевых кораблей, приходится идти на самые разные ухищрения. Можно использовать корабли на воздушной подушке, однако на дворе зима 1942 года. Данный класс кораблей покуда имеется только у одной страны – Советского Союза, но малы они еще по весу (танки по этому показателю давят их, как клопов). Несolidно врываться в антагонистические города на десятитонных малютках. Что же делать? Как же быть?

Остаются водные артерии, имеющие выход к морям, – реки. К примеру, к нужному сейчас городу Западной Европы – Парижу со стороны моря подходит известная река под названием Сена. И недалеко по ней до исконной столицы неудачных революций – всего-то километров триста наберется, со всеми изгибами русла. Крейсер, конечно, по ней не пройдет – мелковата. Можно пустить торпедную мелочь, но и здесь незадача. Впрочем, относящаяся и к крейсерам также. Видите ли, доблестный советский Краснознаменный Балтийский, а также Северный флот еще не контролируют пролив Ла-Манш. Так что проход по Сене к Парижу закрыт империалистами накрепко.

И что же предпринимать? Совершать революцию без военных кораблей? Октябрьская традиция нарушается. И что же все-таки делать? Продлить на запад Беломорканал? Решение почти верное, по крайней мере, близкое. Если океанские и морские флоты не имеют пока возможности прорваться, то у СССР на такой случай имеются речные флотилии. И если в Сену нет возможности прорваться из дельты к истокам, то, может, стоит попробовать наоборот?

Каким образом? Не слишком просто, но попытаемся спланировать. Берем Днепровскую флотилию, не самую мощную в мире – Амурская мощней, но от Амура до Сены все-таки далековато. Да и Япония императорская не дремлет, нельзя ее в расслабленном состоянии держать – научены Цусимой. И вот, берем Днепровскую – вторую по мощи, загоняем вверх по Днепру, ставим в колонну, разворачиваем в Припять, гоним к истокам (тут как раз канал Днепровско-Бугский к месту оказывается), по нему в Буг, по тому в Вислу, а там по рекам, речушкам и каналам дальше и дальше – и Одер наш, и Эльба и Рейн, Маас и, наконец, милая сердцу Сена. Просто к Парижу родному подойдут наши корабли со стороны истоков. Элемент неожиданности – налицо.

Готовьтесь к неожиданностям и сюрпризам, товарищи и господа!

21. Плотины загнивающего мира

Основные опасности для мужественных советских мониторов миновали, когда добрались они до Бургундского канала. Здесь пришлось разделить: „Левачев“ направился на юг к Лиону, вниз по Соне, туда, где она стекается в единое целое с Роной, помочь тем русским соединениям, которые в ближайшее время переберутся через Альпы из северной Италии и освободят от капитализма страдавшую от эксплуатации человека южную Францию – эдакий плавающий, хорошо вооруженный вестник освобожденного труда; а „Флягин“ нацелил свой низкий силуэт на север к заочно родному Парижу, туда, в очередное логово недобитого фашистского зверя, голова которого – Берлин трещит в жестких лапах красных танковых клиньев.

Здесь в тесных берегах Бургундского канала, где длинный корпус „Флягина“ ни за какие коврижки не смог бы развернуться обратно, расслабиться по-настоящему было, конечно, нельзя, но психологически стало намного легче. Лишь дважды ночами стучали по корпусу пулеметные очереди с берега, и тогда „Флягин“ словно просыпался от спячки, и гахали в темноту четыре „максима“, скрученные единой связкой. Это была реакция, подобная отпугиванию обнаглевшего комара, никто не задействовал прожектора и большие калибры – не стоило тратить боеприпасы на непредусмотренные сражения, ведь „Флягин“ не мог тащить чрезмерно много, в мелких речушках не стоило опасно увеличивать осадку. Хотя запланированные бои, конечно, тоже случались – у шлюзов – обязательно. Этих перепадов уровней воды было на пути достаточно. Подходя к такому месту, „Флягин“ выпускал на берег морских десантников. Обычно они лихо делали свое дело и „Флягин“ спокойно следовал в распахнутые ворота дамбы, но часто приходилось делать пару-тройку залпов из 45-, а порой и из 102-миллиметровых орудий. Кто на этих удаленных от моря шлюзах дожидался такой силищи? И взлетали вверх белые флаги. И только советский военно-морской реял гордо и не кренясь. И тогда морские пехотинцы прощались с покуда временно освобожденным пролетариатом, обещая вернуться в большем количестве и добить фашистских гадов до конца в ближайшее время, выводили из строя все средства связи, покоящийся „Флягин“ брал их на борт, матросы хлопали их по закамуфлированным спинам, и винты „Флягина“ вновь начинали крутиться, а труба извергать дым.

22. Вскрыть архивы

Разговор происходил в русском посольстве на территории Соединенных Штатов Америки. Поначалу сдержанный обмен любезностями постепенно переходил в недружелюбную перепалку. Сейчас речь держал советник президента Луи Саржевский:

– В сложившихся условиях, которые, по нашему обоюдному мнению, являются чрезвычайными, наше правительство обеспокоено сокрытием от экспертов необходимой для понимания проблемы информации.

– Я не совсем вас понимаю, господин советник, – бесстрастно отражал атаки Иван Евгеньевич Титуленко. – Насколько я в курсе, по данной тематике усиленно и плодотворно сотрудничают не только наши разведки, но и ученые, или я не прав?

– Да, это так. И до последнего времени никаких претензий не было. Однако вы, конечно, понимаете, о чем я говорю, вот уже несколько недель (подчеркиваю, не дней, а именно недель) ваши службы не дают нашей с вами совместной комиссии добраться до некоторых архивов.

– Я не в курсе таких мелких нюансов.

– Бросьте, Иван Евгеньевич, это не первое наше обращение по данному поводу, пусть и не на таком уровне, как сейчас.

– Однако мне надо уточнить.

– Но позвольте тогда более подробно ввести вас в курс дела. Поверьте, в данном случае политика поначалу стояла далеко в стороне, к выводу пришли ученые-эксперты, причем и ваши и наши вместе, так что, опять же, никакого предвзятого очернения здесь не происходило. Но для полной убедительности нам нужно заглянуть в кое-какие засекреченные до настоящего времени архивы. Дело касается событий многодесятилетней давности, поэтому закрытие информации нам совершенно непонятно. Если бы она касалась или там порочила какого-нибудь из ныне живущих либо существующую в настоящее время страну. Так ведь вовсе нет. Дело касается канувшего в историю СССР. Мне лично, как частному лицу, абсолютно непонятна такая реакция.

– Но ведь вы, господин Саржевский, разумный человек. Вы понимаете, о чем идет речь? – внезапно с таким же бесстрастным, как и до этого, лицом открыл „карты“ русский посол. – Речь идет о престиже страны. О нашей истории. Ведь у вас тоже есть закрытые темы, например убийство президента Кеннеди, так?

– Да, но я не думаю, что если бы речь шла о сегодняшней безопасности страны и зависела от этих архивов, то мы бы стали сильно упираться по поводу их просмотра посторонними.

– Как знать, господин Саржевский.

– Но, Иван Евгеньевич, что с того, если открытие архивов документально и неопровержимо докажет намерения Советского Союза напасть на Германию первым и только роковые, почти случайные обстоятельства не позволили данному событию реализоваться?

– А вы что, не понимаете, что с того?

– Но ведь разговоры об этом идут не одно десятилетие, так?

– Собака лает – ветер носит. Разговоры одно, а истинные документы совсем другое.

– Но ведь именно в точке исполнения или неисполнения данного события и разошлись наши миры. Здесь прошла трещина разделения, и нужно изучить первопричину, очень нужно.

– Я сделаю все от меня зависящее, господин советник.

– Очень надеюсь, Иван Евгеньевич.

23. Недобрые берега загнивающего мира

Конечно, они давно ждали неприятностей. Не стали те неприятности неожиданностью, но и приятностью тоже не стали, разумеется. На четвертый день осторожного скольжения по Бургундскому каналу они угодили в засаду.

Почему плыли по каналу осторожно? Понятное дело, у монитора боевого и так скорость небольшая, не выше пятнадцати километров в час, а здесь еще чужие мелкие воды, узости – нет места для маневра, если кто-то мину посреди фарватера положить догадается, так и не обойти. Во время движения пара человек все время на кончике носа корабельном стоит, темную воду внизу обзирает, лишние глаза в таком деле никогда не бывают. Да еще по бортам – люди: дно непроглядное пытаются узреть и берега под неусыпным прицелом держат. А там, вокруг, деревеньки живописные, любо-дорого, словно не случилось в этой стране позорного поражения, и не под сапогом она у агрессора лютого. Смотрят оттуда крестьяне французские на непобедимый советский флот и диву даются – сколько лет в этих местах жили, а никогда боевого корабля настоящего не видывали. Старший лейтенант Абрамов, начальник десантников, помещенных на борту, много раз предлагал сотворить вылазку с захватом трофеев – очень уж молодой свининки хочется или там лучку пощипать (про лучок, он, конечно, размечтался – зима на дворе, хоть и теплая, западноевропейская). Однако капитан судна Кожемякин на такие дела не поддается – еще чего, будет боевой корабль стоять неподвижно у берега, авиации вражеской дожидаться, покуда десантники там нарежутся. На крайний случай, можно просто калибр главный стадвухмиллиметровый навести, и сало с маслом жители сами на бережок принесут, и никакой суеты не потребуется, разве что выстрелить разок ради демонстрации мощи. Но как такие действия расценит НКВД, если очень захочет? Вот в чем вопрос. А главное, времени нет, и так график, заранее разработанный, на грани срыва. Конкуренты на „Левачеве“, может, уже до Лиона добрались, скоро, того и гляди, средиземноморский флот пополняют исстрадавшейся боевой единицей. Только подумать: Днепровская флотилия наводит пушки на Марсель. Здесь даже древний переход питерской эскадры к Цусиме меркнет.

И вот на четвертый день самостоятельного плавания монитор „Флягин“ напоролся на засаду. Здесь было все как полагается – не только пехота, но и танки – четыре штуки. Сразу, конечно, было неясно, сколько, все-таки засада, да и какие, тоже непонятно. Но когда Буратов разглядел их в прицел под увеличением, то на душе стало легче, веселый мальчишеский задор разгорелся внутри. По танкам он уже стрелял, и неоднократно. Те были ничуть не лучше, но все-таки немецкие, и если они смогли в свое время переломать хребет тем, то о чем дальше говорить? Против трех 45- и спаренных 102-миллиметровых орудий „Флягина“ у врага было: одно 75-, три 47- и два 37-миллиметровых орудия, всего – пять стволов, причем на четырех танках. На тяжелом „В-1“ имелись две пушки.

Вначале Буратов решил, что на родимый „Флягин“ напали французы, все-таки пока еще официальные союзники фашистов, пусть и не до конца добровольные. Однако когда один из мелких танков – „Гочкис“ стал менять позицию, шуруя бочком, глазам предстал знакомый симметричный крест, и стало как-то душевно легче наводить на него пушечку. Хотя, конечно, двое срезанных первой очередью впередсмотрящих на носу, возможно, еще не совсем мертвых, но уже неподвижных, загоя списали с Буратова и остальных артиллеристов будущие грехи.

Неосторожный „Гочкис“, хоть и являлся легким танком, все же умудрился увязнуть в небольшой лужице возле бетонированного ложа канала. Бог знает, для какой погоды годились эти танки, но явно не для зимы, даже для западноевропейской. Когда боевая машина начала пробуксовывать и давать задний ход, снаряд, наведенный Буратовым в упор, разнес ее на куски. Башню подкинуло вверх, на мгновение она уподобилась воздушному змею, но, видимо, в эту секунду в недрах ее рванули боеприпасы, и она просто рассыпалась, и уже запчасти отнесло

ветерочком в сторонку. Внутри явно никто не выжил. Этот „Н-35“ представлял для „Флягина“ только косвенную опасность, но все же его пулемет и слабая пушка могли положить незащищенный личный состав.

Куда страшнее был единственный на арене „В-1“. Может, у него что-нибудь и получилось бы, но его главное орудие могло наводиться изнутри только по вертикали – оно не размещалось в башне, а потому механик-водитель вынужден был вертеть всю тридцатитонную громадину шевеля гусеницы. Это лишнее движение его и выдало. Танк был неплохо замаскирован в сваленных накануне сосенках. Вообще, хоть орудие этого достижения довоенной Франции и наводилось столь замысловатым способом, в отношении такой цели, как „Флягин“, оно имело шансы. Монитор был длиннющей пятидесятиметровой громадиной, и развернуться по-другому в узости воды или, на крайний случай, увеличить скорости он не мог, так что 75-миллиметровый ствол имел все шансы дырявить его корпус как душе угодно. Как только тяжелый танк выдал себя, из бронированной боевой рубки скомандовали перевести огонь на его укрытие. И тогда все пять пушек „Флягина“ заговорили разом. Там, где размещался изысканный немцами трофей, взвилось облако из ускоренно переработанной древесины, зависла опилковая взвесь. „В-1“ так и не успел задействовать свой главный калибр, только сверкнула дважды, огрызаясь, слабая башенная пушка. Ну а потом пыхнуло за бревнами клубастое бензиновое облако. Пыхнуло и ушло на восток.

И тогда остались мелочи, не чета артиллерии советского флота. А еще, конечно, пехота. И наверно, главный десантник Абрамов, сидя под палубой и слушая, как броню царапают чужие пули, тщетно скрежетал зубами, мечтая о рукопашной. Но как было высадить его, вместе с остальными „орлами“, да и стоило ли, когда по берегу шлялись чужие танки. Это для „Флягина“ они не противники, а для пешего морского пехотинца? То-то. Так что зря Абрамов скрежетал зубами, не пришло еще его времечко.

Морские пехотинцы потребовались, когда еще один „Гочкис“ задымил. Четверенный „максим“, конечно, не давал пешим врагам сильно задирать нос, но иногда в его смелой работе возникали неурядицы. Это когда вражеские пули срезали под корень очередного пулеметчика. И пришлось советским морячкам залечь на палубе и подсоблять ручными пулеметами основному пулеметному агрегату. Но главное, конечно, делали пушки.

Сколько длился бой? Те, кто участвовал, думали что много-много часов, хотя уже имели опыт, а вообще-то, два с мелочью десятка минут – половина испытанного в детстве школьного урока. И ясно, кто победил. Те, у кого дух и оружие лучше.

И стирая рукавом заливший глаза пот, Буратов думал именно об этом, о боевом духе. Откуда он мог взяться здесь, у каких-то тыловых немецких частей, у которых даже танки, все подчистую, трофейные. Те фрицы, у которых еще есть боевой дух и нормальная техника, те сейчас вокруг Берлина умирают под бомбежками, защищая „сердце“ тысячелетнего рейха.

Ну а враги, разумеется, бежали. И правильно сделали. А боевой славный речной монитор „Флягин“ поплыл по Франции дальше, поднимая носом темную волну. А корабельный радист Зимин выстукал закодированной морзянкой о боевых успехах экипажа на далекую „большую землю“.

24. Странности пространственных путей

Были и другие странные случаи. Например, в начале Великой Отечественной войны на территории, контролируемой Германией, иногда на немецкие тыловые части нападали прекрасно оснащенные подразделения Красной армии. Немцы недоумевали, откуда они могли взяться. Да, конечно, можно объяснить это заранее отправленными в тыл будущего агрессора группами, которые в нужное время стали действовать по команде. Однако партизанские формирования обычно умело пользуются моментом, действуют по ночам и, как правило, не нападают на крупные воинские контингенты. Эти действовали иначе. Да, можно сослаться на всегдашнее русское „авось“, но...

Эти данные практически не поддаются проверке, однако...

Были и другие странные случаи. Например...

25. Будни рек загнивающего мира

Но, конечно, приключения на долю любого корабля выпадают не каждый час, да и не каждые сутки. Основное время занимает работа, тяжелые либо не очень служебные обязанности и всякая всячина, валяющаяся на голову помимо. Сколько длилось последнее приключение – битва с танковым старьем? Минуты. А как бесконечно долго тянутся будни? Но и здесь все относительно. Стоит выйти из потока времени, свалиться на койку, освобожденную напарником, которого только что растолкали на смену, упасть в беспамятство отключки после индивидуально расписанного трудового ритма, погрузиться в не слишком здоровый, но спасительный сон, как уже тербит тебя чья-то подлая рука – все, конец внутреннего спектакля, даже до антракта не дотянули, тушите свет, кинщик в запое. Но все же и в этом ритме жизни и полусмерти есть некоторые продыхи, маленькие моменты – ни туда ни сюда. Вот в некоторые из этих эпизодов и происходит общение загнанных в обстоятельства людей. Человек – животное общественное, да еще и разумное, временами. Не общаться он не может, так ведь еще и по служебно-идеологическим ритуалам требуется. И они общались. Нет в передовом государстве земного шара антагонистических классов, но некоторый разрыв между кастами все же имеется. А потому класс управленцев самой непобедимой армии мира общался более откровенно и несколько раскрывая объятия, все-таки офицеры, хотя звания у них могли быть не совсем одинаковыми. Конечно, до полного идеального равенства коммунизма было еще жить да жить, а потому некоторая дистанция имела место и здесь. Иногда разговоры приобретали отвлеченный характер.

– Злость у меня на этих французинов, – продолжает пояснять свою застарелую, покрытую коркой мысль непосредственный начальник и боевой командир боевого же монитора „Флягина“ Кожемякин. – Значит, покуда мы Берлин не осадили, они этих фрицев терпели, задницы им целовали и союзнические договоры заключали, так? А как только дело начало меняться на обратное, вот тогда они зашевелились. Да и то не зашевелились, а решили еще до какого-либо своего движения обезопасить себя, договориться о взаимоприемлемых условиях военного взаимодействия. Чуть ли не послевоенный мир делить собираются, как будто сами не подняли лапки перед Гитлером и этим не высвободили его лапищи для остальных черных дел.

– Вы считаете, их помощь нам не нужна? – неуверенно спросил младший лейтенант Буратов.

– Да, я так считаю! Но что есть мое личное мнение? Главное – так считают те, кто... – Кожемякин поднял палец кверху, изображая словосочетание „повыше будут“, – а им, как известно, виднее вдесятеро. И понятно почему. – Теперь указующий перст Кожемякина выпрямился и воткнулся в собеседника. – Для вас, товарищ кандидат в члены руководящей партии мира, поясню. Зачем, скажи на милость, нам нужна эта помощь?

– Ну, союзник как-никак.

– Ты их танки видел, Володя?

– „Гочкис“, что ли?

– Да любые. – Кожемякин опустил большущий кулак на привинченный к стене столик – от сотрясения на пол свалился замусоленный русско-французский разговорник карманного формата. – Сравни их с нашими.

– О чем речь, у нас ведь передовой строй.

Огромная ладонь Кожемякина отмахнулась от такого незрелого аргумента, как от мелкой, не слишком назойливой мухи.

– Но самое главное даже не в этом. Не в том, что без их помощи мы справимся прекрасно. Просто они думают, что с полным разгромом немцев проблема исчерпана.

– А что? – сглотнул слюну Буратов.

– Вы газеты читаете, товарищ красный командир?

– Ну, сюда, на борт, нам давненько не приносили, а так читаю.

– А между строк читать можешь, Володя? Ты что, не соображаешь, все наши газеты для нас, для советских людей. Видеть надо между строк, смысл видеть, а не форму. То, что для иностранцев темный лес, для нас должно быть как на ладони, так?

Буратов неопределенно пожал плечами.

– Мы – советские – должны уже по расположению статьи угадывать ее важность. Ладно, я согласен, не способен это понять наш механик – матрос Дервянко, что он видел в жизни до нашего корабля, кроме своего трактора? Но мы-то с тобой – офицеры. Газета наша – это уникальное дело. Читает ее какой-нибудь французский буржуй: мало того что на чужом сложном языке, так еще смысл затушеван. Прочтет он ее от корки до корки, плечами пожмет – ничегошеньки ему не ясно – зачем такие газеты издают? А тебе, коммунисту будущему, все как на ладони. Вот читает он, к примеру, доярка Дуня такая-то решила повысить свой культурный уровень – освоить профессию тракториста, а за ней подружки потянулись. Усекаешь? Что в этом буржую? Да вовсе ничего. Жует от своих рябчиков дальше. Не понимает тот буржуй, что это в его жизни, может, последний ананас. Села та Дуня на трактор потому, что милый ее друг – Дервянко – к нам на боевой монитор призван мотористом, и поплывет скоро тот жених несостоявшийся забирать у буржуев их незаконную власть. Вот так-то, Володя. Ты ж у нас артиллерист, а простых вещей в политике не понимаешь. Так можно и соцсоревнование проиграть. Вон наши соратники-конкуренты на „Левачеве“ поплыли на юга. У них заранее выигрышный для соцсоревнования режим. Нам тут возле Парижа с немцами воевать, а им с французиками, а что с ними воевать? Вон их как немцы шарахнули в сороковом, а они тогда были в полном соку, не то что сейчас, правда?

– Да уж, – сказал Буратов.

– Так что газеты надо читать с умом, а не как развлекаловку, – подвел итог Кожемякин.

– Будем знать, командир, – согласился Буратов.

– Товарищ командир, – поправил Кожемякин, устремляя ввысь указательный палец.

– Так точно – товарищ командир, – повторил Буратов.

26. Провокации пространственно-временного континуума

Кстати, в Мире-2 наблюдались аналогичные или скорее антианалогичные случаи. В самом апогее победного вторжения в Германию, когда красноармейские части стремительно освобождали Катовице или, там, Бухарест, в городах Советского Союза появлялись какие-то перепуганные люди, утверждающие, что Киев, Минск или, там, Харьков взят, то есть захвачен немцами, а над городом Сталино носятся без всякого противодействия ПВО фашистские самолеты и поливают пулеметным огнем главные улицы. Оборванцев, конечно, называли провокаторами, и они быстро перетирались железными челюстями НКВД, и увлеченный победами родной армии народ оказывал в арестах должное содействие.

И еще...

27. Приговор загнивающему миру

Вот теперь им действительно разрешили похулиганить на славу. Еще бы капитану судна Кожемякину не воспользоваться таким удачным случаем подпортить врагам кровь. Прямо отсюда, из Бургундского канала, они могли вести обстрел вражеской железной дороги. Она проходила в зоне видимости и, естественно, в зоне досягаемости орудий „Флягина“, даже 45-миллиметровых. Надо ли было досматривать груз? Интересно, каким образом и главное – зачем? Территория противника, что с того, что оккупирована? Любой перевозимый груз служит рейху.

Не слишком длинный эшелон тарабанил колесами на встречном курсе. Если бы на параллельном, времени для обстрела и прицеливания было бы больше.

– Пошевеливайтесь, братки! – орал в переговорную трубу Кожемякин. – Главный калибр, огонь!

Уши заложило, стало жарко и нечем дышать. Очень привычные, родные неудобства. Плата за власть над пространством, за звание Великого Разрушителя.

Однако недолет, констатировал Буратов, сверясь с помещенной перед глазами таблицей. Отработаем малость. И снова – вата в ушах, многослойная, да еще клинья, вбитые туда же. Музыканты из участников праздника явно не получатся. В глазах пелена, невольный прищур, хотя надо смотреть, расширив очи нараспашку. И прямо по ним, распахнутым, полыхнуло. Снаряды зажигательные, что прикажете – бронебойными? Они пронзят эти вагончики и не почувствуют.

И снова распахиваем зрительные органы. Попадание – оба ствола. Наверное, Кожемякин хвалит, но хрен чего услышишь. „Заряжай!“ – командует, а точнее, показывает жестом Буратов. Теперь проще – поезд уже полыхает, а главное, стоит как вкопанный. И „Флягин“ тоже стоит – так удобнее. Приговор поезду – расстрел, и приведение в исполнение – немедленно. Интересно, что все-таки там везли?

28. Милиционеры временно-пространственных туннелей

И еще в то же лето сорок первого в Мире-2 на территории Белоруссии и Украины милиция часто ловила дезертиров. Во время ареста они утверждали, что пробиваются к своим, так как их части поголовно истреблены. Конечно, их считали бандитами, разоружали и поступали как водится. Некоторым везло, их направляли в штрафные батальоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.